

К 10-летию "Вашингтонского музея русской поэзии и музыки"

Юлий Зыслин

МИР ПО-ПРЕЖНЕМУ ТЕСЕН

Встречи, поиски, находки

МИР ПО-ПРЕЖНЕМУ ТЕСЕН

Юлий Зыслин

-Континент-
Чикаго. 2008

Вашингтонский музей русской поэзии и музыки

Юлий Зыстин

МИР ПО-ПРЕЖНЕМУ ТЕСЕН

Встречи, поиски, находки

«Мне кажется, книга получилась живой, увлекательной и даже поучительной, материал очень интересный и говорит сам за себя.

... Это подарок не только американским любителям поэзии, но и всем, кому дорога русская культура.

А какой пример для музейщиков!

Думаю, что книга будет востребована не только в Штатах...».

*В. Ф. Тейдер,
Главный хранитель музея Сергея Дурьлина,
Россия, Подмосковье*

KONTINENT
Чикаго 2008

Uli Zislin

«Mir po-prezhnemu tesen»

Library of Congress Control Number:

ISBN: X-XXXXXXXX-X-X

Copyright © 2008 by author

Photo copyright © 2008

Chicago, USA 2008

All rights reserved including the right
of reproduction in whole or in part in any form.

Published by **“KONTINENT”**

www.kontinent.org

© Зыслин Ю., 2008

*Юлий Зыслин в своём музее русской поэзии и музыки
(фото И. Зыслина).*

В книге кандидата технических наук, коллекционера и барда Юлия Зыслина представлены избранные эссе о русских поэтах Серебряного века, опубликованные в разные годы в газетах медиагруппы «Континент».

Юлий Зыслин основал в Вашингтоне «Музей русской поэзии и музыки» (1997 г.), «Аллею русских поэтов» (2003 г.), «Поляну русских композиторов» (2006 г.), был инициатором «Вашингтонских Цветаевских костров» (1996 г.) и «Всемирного Цветаевского костра» 2002 года. Он автор 18-ти изобретений, трёх сборников стихов, 25-ти музыкально-поэтических композиций, сотен песен.

Выступал в России, США, Франции, Израиле, Грузии.

Публиковался в журналах «Слово \Word» (Нью-Йорк), «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Журнал для родителей» (Нью-Йорк), «Маленькая компания» (Нью-Йорк), «Большой Вашингтон» (Вашингтон), «Вестник» (Балтимор), «Зеркало» (Миннеаполис и Сент-Пол), «Собеседник» (Джерси-Сити), «Побережье» (Филадельфия), «Вестник Род-Айленда» (Провиденс), «Ренессанс» (Киев), «Музыкальная академия» (Москва), «Музыкальная жизнь» (Москва), «Музыкальный клуб» (Москва), «Весёлые картинки» (Москва), «Рабинович+Иванов» (Санкт-Петербург), «Музейный вестник» (Елабуга), «Диалог» (Тбилиси), «Римон» (Реховот, Израиль) и др.

Инициатор и спонсор данной книги — академик Эдуард Лозанский, Президент «Американского университета» в Москве и Russia House в Вашингтоне. В свое время он поддержал Ю.Зыслина и финансировал его проект, посвященный созданию в Вашингтоне мемориала русских поэтов и композиторов.

Museum is dedicated to many well-known Russian poets and composers from the gold and silver ages (such poets as Pushkin, Lermontov, Tsvetaeva, Mandelstam, Pasternak, Akhmatova, and Gumilev, and such composers as Tchaikovsky, Rachmaninoff, Stravinsky, Shostakovich, Prokofiev).

Students from the University of Maryland

The museum has been visited by residents of 31 US cities from 29 states and 28 cities from 12 foreign countries.

Museum exhibits materials from over 25 other Russian literary and musical museums and private collections.

Olga Trukhacheva-Tsvetaeva (from Moscow, Russia)

Children from Baltimore, MD

The collection of the museum is very diverse, with more than 30 exhibits. The museum presents books, articles, video and audio recordings, materials from symposiums, conferences, readings, paintings, posters, photographs, autographs, memoirs, interviews, gifts, and translations of Russian poetry into English, German, French, Ukrainian, Hebrew, and Yidish.

The Washington Post, an article by Garry Lee (2000):

"My tour of the place was a journey through contemporary Russian literary history. Zilkin gave short biographical speeches about each of the poets, pointed out letters they wrote or letters written to them. He covered his hand over hundreds of books by and about the poets and pointed out portraits or photographs of each..."

Washington City Paper, an article by Joe Dempsey (2005):

"When hosting Americans, he always starts with a song about snow, he says, because "in Russia, winter is much more lengthy than here, so it's much more significant."

**Два фрагмента юбилейного буклета
«Вашингтонского музея русской поэзии и музыки». 2007 г.
Дизайнер композиции Вера Зыслина.**

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	10
«Мир по–прежнему тесен»	12
<i>Встречи на американской земле.</i>	
<i>«Континент» № 14 (70). Июль 2002</i>	
«Рисунки Марины Цветаевой»	30
<i>Архивная находка.</i>	
<i>«Континент» № 13 (244). April 3, 2006</i>	
«Отблеск цветаевской страсти»	37
<i>О предполагаемом кольце Марины Цветаевой.</i>	
<i>К 115–летию со дня рождения поэта.</i>	
<i>«Континент» № 24 (303). June 25, 2007</i>	
«Нерукотворные памятники поэту»	48
<i>К 115–летию Бориса Пастернака.</i>	
<i>«Континент» № 5 (188). 31 января – 6 февраля 2005</i>	
«ЯМА»	58
<i>К 110–летию Осипа Мандельштама.</i>	
<i>«Континент. USA» №1 (33). Январь 2001</i>	
Берестяная книжка Ахматовой	62
<i>«Континент» № 24 (244). 29 июня – 5 июля 2004</i>	
«На ловца и зверь бежит»	73
<i>К 115–летию Николая Гумилёва.</i>	
<i>«Континент.USA» №8 (40). April, 2001</i>	
«Америка и русская поэзия»	82
<i>К закладке в Вашингтоне «Аллеи русских поэтов».</i>	
<i>«Континент» № 16 (105). April 25 – May 1, 2003</i>	

«Русские композиторы, их помнит Америка»	90
<i>К открытию в Вашингтоне «Мемориальной поляны русских композиторов».</i>	
<i>«Континент» №18 (249). 8 мая 2006.</i>	
«Вашингтонскому музею русской поэзии и музыки — 10 лет» .	101
<i>«Континент» №32 (311). 27 августа 2007.</i>	
Послесловие автора	109
Приложения	111

ОТ АВТОРА

Будучи фаталистом, я не стал сопротивляться желанию моих детей эмигрировать из России в Америку. Из Москвы в Вашингтон. Из одной столицы в другую столицу («Я теперь в другой столице, / Где Москва мне только снится»). Это произошло весной 1996 года. Мне, как и моей жене, было тогда 65 лет, а маме 94 года...

Нам удалось вывести обширную семейную библиотеку по русской поэзии, музыке, живописи и мой творческий архив. Это примерно 1000 кг веса. На оплату такого багажа и трёх билетов на самолёт Москва-Вашингтон ушли три пенсии, которые нам при отъезде выплатила Россия за полгода вперёд.

В Вашингтоне сразу начались чудеса: участие в спектаклях театра «Третья волна», где я пел свои песни, выступления и камерные вечера классической музыки в Russia House. Посещение всевозможных концертов и музеев. И, наверное, главное – это выступления в самых разных аудиториях и обстоятельствах, сопровождавшихся удивительными знакомствами, общением, маленькими творческими открытиями. Мне и в России с этим везло, наверное, потому, что я с детства посещал музеи и концерты, а в 1979 году организовал в Москве и 16 лет, до самого отъезда, вёл музыкально-поэтический салон «СВЕЧА» (186 тематических вечеров). Организационный, художественный и концертный опыт, а также общение со многими музыкантами, литераторами, коллекционерами и наличие большого архива и библиотеки позволили мне осенью 1997 года открыть у себя в квартире «Вашингтонский музей русской поэзии и музыки». Это резко увеличило число новых неожиданных встреч и находок. Музею уже 10 лет. Его фонды возросли в несколько раз за счёт новых приобретений и огромного числа дарений, поступивших из нескольких стран (см. www.museum.zislin.com). Естественно, захотелось написать о моих американских встречах, поисках и находках, чтобы поделиться этим с людьми.

Газета «Континент» с первых своих шагов стала публиковать мои эссе, репортажи, реплики, афиши. И вот теперь возникла идея собрать 10 основных очерков в книге под одной обложкой. Честно говоря, я не могу точно определить жанр этих материалов, да это и не важно. Главное — чтобы было интересно читателю. Очень на это надеюсь. Предлагаемые материалы связаны, прежде всего, с именами пяти великих русских поэтов Серебряного века – Бориса Пастернака, Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, Анны Ахматовой, Николая Гумилёва.

2008г.

*Композиция дизайнера Сергея Стукалова, Балтимор, 2002 г.
В центре Осип Мандельштам, слева от него Марина Цветаева,
справа - Анна Ахматова, сверху — Борис Пастернак, снизу - Николай Гумилёв.*

МИР ПО-ПРЕЖНЕМУ ТЕСЕН

ВСТРЕЧИ НА АМЕРИКАНСКОЙ ЗЕМЛЕ

(краткие зарисовки)

ОН ОБЪЕЗДИЛ ВЕСЬ МИР

Когда в 1996 году я уезжал из Москвы в Вашингтон, меня попросили передать письмо некоему Петрову. Звоню по телефону и слышу вроде бы знакомый голос. Мало ли по всему миру разбросано Петровых? Например, у моей жены начальник в Москве был Петров, а у меня — однокашник под той же фамилией. Спрашиваю Виктора Порфирьевича (так было обозначено на конверте его имя), бывал ли он в России вообще и, в частности, в 1990-м году? Оказалось, что мы с ним познакомились в г. Тотьма, что на вологодчине. Он приехал туда летом 1990 года на открытие музея Ивана Александровича Кускова (известного деятеля Русской Америки), а я — на Рубцовские чтения (г. Тотьма — малая родина поэта Николая Рубцова). Потом мы еще раз виделись в Москве на приёме в честь американской делегации.

И вот теперь он пригласил меня к себе в гости. Чудеса продолжались: его дом располагался в северном пригороде Вашингтона, в городке Роквилл, т.е. как раз по соседству с местом, где поселилась моя семья.

В Тотьме и Москве нам не удалось как следует поговорить. А вот в Америке мы наговорились всласть. Я у него был несколько раз. Он мне поведал, что родился в Харбине, имеет три высших образования, в Америку приехал в 1942 году, встречался с Президентами США, объездил весь мир (не посетил только две страны), участвовал в спасении от забвения русского поселения Форт Росс (что в Калифорнии, где я недавно побывал), отыскал полузабытую могилу Джека Лондона (туда я заехал на обратном пути из Форта Росс), дружил с книгоиздателем и книготорговцем Виктором Камкиным, брал интервью у знаменитого певца и актера Александра Вертинского, написал более 30 книг. О самом В.П. Петрове, человеке трёх культур — русской, китайской и американской, можно и нужно написать специальную книгу. Последние годы он очень болел, но работал даже в день своего 90-летия. Когда хоронили вдову Виктора Камкина на русском участке Вашингтонского кладбища, мне показали могилу профессора Виктора Порфирьевича Петрова, где он похоронен вместе со своей супругой...

Проф. В.П.Петров. Писатель, историк, географ, юрист, общественный деятель русской эмиграции в Америке. (1907, Харбин, Маньчжурия, Северный Китай — 2000, Роквилл, шт. Мэриленд, США)

Активисты Конгресса русских американцев (КРА), доктора наук Виктор Петров и Людмила Фостер, на лужайке Белого Дома во время приёма Президентом США Биллом Клинтонном Президента Российской Федерации Бориса Ельцина, 27 сентября 1994 года (из архива Л.Фостер).

Проф. В.П.Петров в Москве на приёме в честь американской делегации в министерстве культуры, 1990 год (из музейного архива автора).

Группа активистов КРА на приёме в Белом Доме у Президента США Рональда Рейгана (из архива Л.Фостер; в центре — Рональд Рейган, слева от него — Виктор Петров, Людмила Фостер — третья справа).

ПРИЯТЕЛЬ ПОЭТА НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Книжный магазин «Виктор Камкин» тоже оказался в Роквилле, и я ходил туда пешком. Великий знаток книги Наташа Никитина, которую знает вся читающая русскоговорящая Америка, решила познакомить меня с поэтом из Филадельфии Михаилом Юппом. Человек разностороннего таланта, широких интересов, глубокого образования и сложной натуры, он не сразу пошёл на контакт. Прошло несколько лет, и мы подружились. Михаил подарил музею редкие издания русских поэтов из серии DP, сборники своих стихов и ряда русских поэтов Америки. Однажды я побывал у него дома, и он показал мне свои обширные коллекции русских книг, картин, открыток, монет. Слово за слово, выяснилось, что он дружил в Ленинграде с Николаем Рубцовым, которым я интересуюсь с 1978 года. Я дважды бывал в Тотьме и Вологде, участвовал в открытии его музея в селе Никольское, несколько раз писал о нём, давно пою его стихи. Недавно Михаил подарил мне свои, опубликованные уже в Петербурге, воспоминания о своем друге, где содержатся малоизвестные факты биографии Рубцова...

И СНОВА ТАМБУРЕР

Незадолго до моего отъезда из России в Америку, в Подмосковье была открыта мемориальная доска памяти Лидии Александровны Тамбурер. Это произошло в посёлке Удельная на её усадебном доме начала XX века в стиле модерн (архитектор усадьбы И.В.Жолтовский; кстати, в Москве я часто бывал на улице Жолтовского). Известный в Москве зубной врач и книгочей, приятельница Ивана Владимировича Цветаева, она стала духовной наставницей его дочерей-подростков Марины и Анастасии после преждевременной смерти от чахотки их матери Марии Александровны Мейн. Станция Удельная Московско-Казанской железной дороги — традиционное дачное место и моя малая родина. Здесь мне знаком каждый кустик, каждый поворот дороги, каждая улица. Много раз я обращал внимание на единственный в своём роде деревянный дом с портиком и колоннами, расположенный на Южном проспекте. Конечно же, я присутствовал при открытии этой доски и пел стихи Марины Цветаевой, тем более что после Николая Рубцова моим поэтическим богом стала к тому времени она.

И вдруг я встречаюсь в Америке с пациенткой врача Л.А. Тамбурер. Ну, скажите, разве это не удивительно? И не просто с пациенткой

Поэт и коллекционер Михаил Юпп (Филадельфия).

Поэт Николай Рубцов.

ПРИЯТЕЛЬ ПОЭТА НИКОЛАЯ РУБЦОВА

**Усадебный дом Л. А. Тамбурер
в поселке Удельная
под Москвой
(фото автора, 1990–е годы).**

**Мемориальная доска на
фасаде дома Л. А. Тамбурер
(фото автора, 1990–е годы).**

**Неждана Даниловна Янович.
Вашингтон (фото автора).**

**Деревянная церковь напротив
усадьбы Л. А. Тамбурер
(фото автора, 1990–е годы).**

этого врача, а с дочерью Д.Т. Яновича, сотрудника И.В.Цветаева как по Румянцевскому музею, где Цветаев был директором, и куда часто навещалась Л.Атамбурер, так и по основанному им Музею изящных искусств им. Александра III (ныне Музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина, хотя давно пора присвоить этому музею имя И.В.Цветаева). Даниил Тимофеевич Янович был известным в России антропологом и этнологом. Он погиб в ГУЛАГе, а его дочка, внучки и правнуки живут нынче на вашингтонщине. Скрипачка Ольга Янович познакомила меня со своей мамой Нежданой Даниловной, и я взял у неё интервью. Оно хранится в архиве моего музея русской поэзии и музыки. Она рассказала много интересного и об отце, и о московском быте 30-х годов XX столетия, и о Тамбурер, и о Валерии Ивановне Цветаевой, сводной сестре Марины и Анастасии Цветаевых. Валерия увлекалась творчеством Айседоры Дункан, имела домашнюю танцевальную студию, которую одно время посещала Неждана Даниловна Янович.

А недавно я получил письмо из Удельной, где опять говорится о Тамбурер.

Марина Цветаева посвятила ей несколько стихотворений, в том числе, стихи «Эпитафия» и «Жажда».

7 ТОМОВ АВТОГРАФОВ АНАСТАСИИ ИВАНОВНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Младшая дочь Ивана Владимировича Цветаева Анастасия была очень общительным человеком. Она прожила без трёх недель 99 лет. И это несмотря на 22 года ГУЛАГа (кстати, все Цветаевы провели в ГУЛАГе суммарно примерно 78 лет). На поминках Анастасии Ивановны Цветаевой я познакомился с друзьями писательницы, ныне хранителями её архива, которых она называла «ГЛЕБАМИ». Это чудные люди — Глеб Казимирович Васильев (и он не избежал ГУЛАГа) и его супруга и помощница Галина Яковлевна Никитина. Они собственноручно составили и издали (вплоть до комментариев и переплёта) несколько томов автографов Анастасии Ивановны. Тираж каждого тома 3-5 экз. Один экземпляр каждого тома обязательно пересылался ими из Москвы в Вашингтон, в мой музей русской поэзии и музыки. И что же? Представьте себе: я выяснил, что в Вашингтоне и Нью-Йорке есть люди, которые встречались или переписывались с А.И.Цветаевой, и что у них есть её автографы. Пока я знаю в Америке ПЯТЕРЫХ*. Теперь и не упомнить, как это произошло. Наверное, сработал принцип «На ловца и зверь бежит».

Кто же эти счастливики и как всё же я на них вышел?

С Ириной Лазаревой, журналисткой ООН, как она себя называет, меня познакомил, по моему настоянию, известный нью-йоркский русский поэт Виктор Урин. Ирина Лазарева 12 лет общалась с Анастасией Ивановной в Москве и сохранила автограф на её знаменитой книге воспоминаний.

О поэтессе, враче и религиозном деятеле Ларисе Гумеровой мне говорили Глебы ещё в Москве. Вдруг я узнаю, что она переехала из Бостона в наши края. Конечно, я разыскал её здесь, и на меня посыпался каскад автографов А.И.Цветаевой.

Олю Казакову, дочь художницы Ирины Бржеской (подруги Анастасии Ивановны), привела на 4-й Цветаевский костёр Алина Энгельгардт, и мы попросили Олю выступить. Она много раз видела А.И. и подарила музею каталог маминых картин, в котором среди прочего представлены и выполненные ею с натуры портреты Анастасии Цветаевой.**

Однажды на моём выступлении в нью-йоркской квартире моей старшей российской знакомой из Петербурга — Полины Эзрах, присутствовал писатель и переводчик с итальянского Лев Вершинин. Мы очень быстро подружились с ним, он стал бывать на моих концертах, а недавно прислал книгу своих воспоминаний, где есть страницы о его встречах с Анастасией Цветаевой и Борисом Пастернаком, которые, как известно, были большими друзьями.

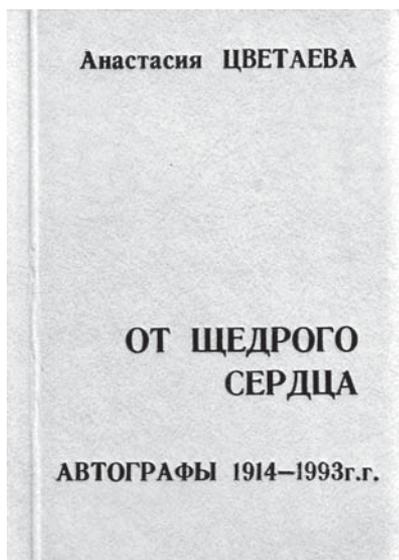
О пятом — особый разговор. Это — Юрий Бунчик, нью-йоркский поэт из Одессы. До отъезда в Америку, он переписывался с Анастасией Ивановной и поместил её автографы в свою книгу стихов «Я пишу как дышу». Я прочёл рецензию на эту книгу, разыскал его маму, которая ему очень помогает в творчестве. И они прислали эту книгу в музей.

В результате, в музее появился раздел «Автографы А.И.Цветаевой, обнаруженные в Америке». Копии этих автографов «поехали» с оказией в Москву, к Глебам, и вошли в очередной издаваемый ими том...

В этой зарисовке, наверное, надо упомянуть о том, что старшая внучка Анастасии Ивановны — Маргарита Трухачёва-Мещерская, прислала из Сан-Франциско книгу своей бабушки — «Моя Сибирь». Недавно мне посчастливилось быть гостем Риты, а в Нью-Йорке я встретил родственницу её покойного мужа — Галину Мещерскую. Мещерские были в родстве с Аделаидой и Евгенией Герцык, известными деятельницами Серебряного века. Сёстры Герцык общались и с сёст-

*Друзья Анастасии Цветаевой супруги Васильевы («Глебы») у себя дома.
(фото автора, 1990–е годы).*

*Обложка одного из томов автографов
Анастасии Цветаевой,
собранных супругами Васильевыми
(из музейного архива автора).*

7 ТОМОВ АВТОГРАФОВ АНАСТАСИИ ИВАНОВНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

*Николай Чибисов
в «Вашингтонском музее русской поэзии»
(фото автора).*

*Таруса.
Дом бабушки сестёр Цветаевых
по материнской линии
Александра Мейна
(сёстры звали его «Домом Тьо»;
ныне здесь
«Музей семьи Цветаевых»).*

*Таруса. Вид на реку Таруса
(фото Н.Чибисова).*

рами Цветаевыми, и с Максимилианом Волошиным, и с Николаем Бердяевым, и с Вячеславом Ивановым...

А уж совсем недавно в музей позвонила из Нью-Йорка Зинаида Партис. Она тоже встречалась с Анастасией Цветаевой и даже спала у неё в комнате под роялем...

Не так уж давно я получил из Москвы от Валентина Цветкова диск с записью голоса А.И. Цветаевой, которая читает стихи своей сестры в 1971 году в Коктебеле.

РОЖДЁННЫЕ В ТАРУСЕ

«Я родился в Тарусе во флигеле дома Александра Даниловича Мейна — дедушки Марины Цветаевой (со стороны матери)», — огородил меня при первой встрече Николай Чибисов. Мы разговорились в магазине русской книги «Виктор Камкин»: он услышал, как я приглашаю кого-то в свой музей русской поэзии и музыки, где главенствует Марина Цветаева. И действительно, в советское время в том флигеле была «коммуналка», где жила его семья. Отец был известным в Тарусе педагогом и директором школы №1. Николай побывал в моём музее, подарил свои записи об этом городке на Оке, который так любили сёстры Цветаевы. В 2001 году он ездил на родину и привёз удивительные фотографии тех мест.

Это ещё не всё. Я выступал в Нью-Йорке с программой — «Марина Цветаева: «Я тоже была...». После концерта ко мне подошла Рая Генкина, моя коллега по работе в Москве, со словами: «Знаешь, я родилась в Тарусе. Недавно я ездила туда, была в Музее семьи Цветаевых и среди экспонатов видела твою книгу стихов «Долги». Вот это да. Я был в Тарусе, когда открывали этот музей, знаком с людьми, которые «пробили» разрешение на его организацию в доме Александра Мейна. Однажды в день рождения Марины Цветаевой я пел здесь свои песни на её стихи. Для меня это особенно памятно. Я тогда стоял со своей гитарой около семейного цветаевского трёхпрудненского обеденного стола, хранящегося теперь в Тарусе...

АРХИВ ПОДРУГИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

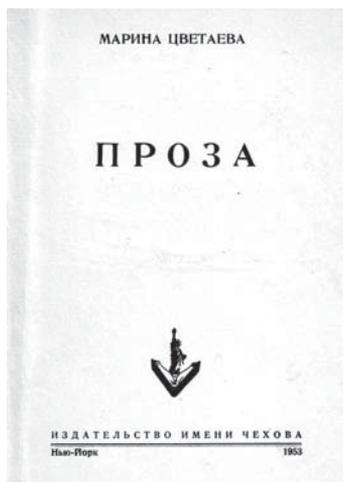
Тут надо вспомнить целую цепочку событий. Моё сотое выступление в Америке пришлось на славный город Бостон. Оно произошло в магазине русской книги «Петрополь». Конечно, я купил там целый

мешок книг и среди них «Записные книжки» А.Ахматовой и библиографию сочинений Н.Гумилёва. Не посмотрев на год издания библиографии, я написал её составителю Вадиму Крейду, что у меня в музее есть кое-что гумилёвское, не названное в его работе. Вадим Прокопьевич, редактор «Нового журнала»*** (журнал издаётся в Нью-Йорке с 1942 года), заинтересовался моим музеем и кстати заметил, что мои поправки относятся к более поздним изданиям по отношению к его библиографии. В номере «Нового журнала», где прошла моя статья о музее, я прочёл сообщение об архиве Екатерины Исааковны Альтшуллер-Еленевой (1897-1982) — подруги Марины Цветаевой. Они встречались в Чехии и потом много лет переписывались. Екатерина Исааковна собирала всё, что связано с Цветаевой и впервые издала в Нью-Йорке в 1953 году сборник её прозы. Автор этого сообщения — нынешний владелец завещанного ему названного архива, профессор Питтсбургского университета Марк Григорьевич Альтшуллер. Он подарил музею составленное им описание архива и ту самую книгу прозы Марины Цветаевой. По его просьбе я отправил в два ведущих российских музея Марины Цветаевой дубликаты этого описания архива Е.И.Альтшуллер.

Два маленьких добавления. Брат Е.И. — терапевт и писатель Григорий Исаакович Альтшуллер, принимал 1 февраля 1925 года в Чехии роды у Марины Ивановны по её настоятельной просьбе и спас при этом её сына Мура от удушья. А её отец — Исаак Наумович, лечил в своё время в Крыму А.Чехова и Л.Толстого.

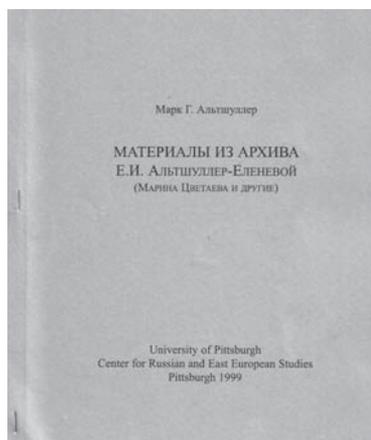
ПИСАТЕЛЬ ХОДИЛ НА БЛИНЫ К МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Эта история тоже связана с Бостоном. Так случилось, что во время тамошних моих гастролей мне негде было остановиться. По просьбе моего московского коллеги, меня приютила художница Наталья Савельева. Она несколько раз рассказывала мне о своём учителе Александре Ануфриеве, который недавно переехал не куда-нибудь, а в северный пригород Вашингтона. Когда мы с ним познакомились, он подарил мне несколько западных изданий по теме музея. Он же порекомендовал обратиться к своему приятелю, внуку писателя Евгения Николаевича Чирикова. Писатель однажды ходил на блины к своей чешской соседке — Марине Цветаевой. Марина Ивановна не отличалась кулинарным прилежанием и Чириков, идя к ней на блины, шутил по этому поводу: «Скоро вернусь, если не отравлюсь».

Обложка книги прозы Марины Цветаевой, первое издание, осуществлённое Е.И.Альтшуллер–Еленевой.

АРХИВ ПОДРУГИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Обложка описания цветаевского архива Е.И.Альтшуллер–Еленевой.

ПИСАТЕЛЬ ХОДИЛ НА БЛИНЫ К МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

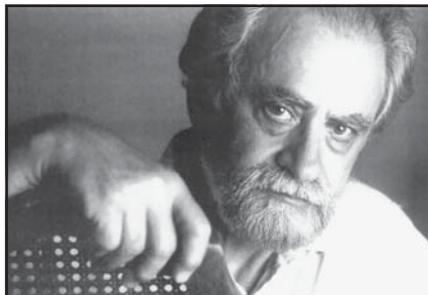

Внучка писателя Евгения Чирикова Н.Г.Фёдорова (Олбани, шт. Нью-Йорк. Фото из музейного архива автора).

Марина Цветаева в Чехии

ЕМУ ПОЗИРОВАЛА АХМАТОВА

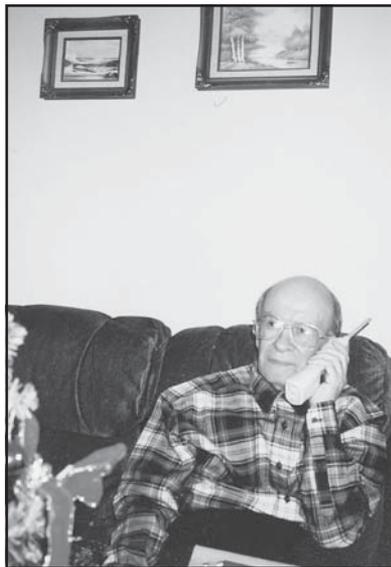

*Художник Моисей Лянглебен,
которому позировала
А.Ахматова.*

*Подлинный портрет Анны Ахматовой
работы М.Лянглебена,
автолитография, 1960-е годы.*

МЯГКАЯ ОБЩИТЕЛЬНОСТЬ

*Друг и соавтор Ольги Ивинской
И.Б.Гутчин (фото автора).*

*Симпатия О.Мандельштама в Воронеже
Н.Штемпель у дома, где проживал поэт
(фото Изи Гутчина, 1960-е годы).*

Дочери писателя дружили с Цветаевой. В чешском доме писателя устраивались литературные вечера, где Марина Цветаева читала свои новые стихи. Постепенно выяснилось, что в США проживают пять внуков и внучек писателя. Одна из них — Наталья Георгиевна Федорова, побывала в моём музее и дала интервью. Оказалось, что Евгений Николаевич Чириков ещё до революции 1917 года издал два много томных собрания своих сочинений. Его пьесы шли во многих театрах России и на Западе. Когда-то он учился в Казанском университете и участвовал в студенческих волнениях вместе с Лениным. Однако очень скоро он оказался в оппозиции. Накануне революции в статье «Что вы молчите!» он призывал к решительным действиям против большевиков, что явилось причиной срочной его эмиграции в начале 20-х годов XX века.

ЕМУ ПОЗИРОВАЛА АХМАТОВА

Однажды я выступал в Чикаго в доме Нины Юнович — моей соседки по московской чистопрудной коммуналке. Я пел стихи Пастернака, Цветаевой, Мандельштама, Ахматовой, Окуджавы и других русских поэтов. На это моё домашнее дружеское выступление были приглашены и мои соседи по подмосковной даче. Одна из них — Соня Россельсон, спрашивает меня после концерта: знаю ли я художника, который рисовал Анну Андреевну Ахматову? Я не знал. Соня предложила познакомить меня с ним, сказав при этом: «Он рисовал мой портрет».

Этим художником оказался Моисей Лянглебен. Он живо откликнулся на нужды моего музея и прислал буклет, каталог, некоторые свои работы и воспоминания. Моисей Вольфович дружил со своим сокурсником по Суриковскому институту в Москве — Михаилом Ивановым, сыном Бабеля, усыновлённым писателем Всеволодом Ивановым. Лянглебен бывал у Ивановых и в писательском доме в Лаврушенском переулке, и на даче в Переделкине. Здесь он видел Ахматову и Пастернака. Сводный брат Михаила, известный ныне учёный академик Вячеслав Вс. Иванов (многие его знают под именем Кома), который много общался и с Пастернаком, и с Ахматовой (в музее есть его воспоминания об этих поэтах), познакомил молодого тогда художника с Анной Андреевной, и она согласилась позировать ему. Они встречались несколько раз, начиная с 1963 года, а в 1966-м Ахматовой не стало. Таким образом, Лянглебен был последним (или одним из последних****) художником, кому она позировала. Он сделал всего 14

рисунков, некоторые из них широко известны. Незадолго до своей смерти ему согласился позировать Борис Пастернак, но встреча не состоялась. М.Лянглебен подарил нашему музею несколько копий своих рисунков Ахматовой и одну подлинную автолитографию с автографом поэта.

МЯГКАЯ ОБЩИТЕЛЬНОСТЬ

Однажды в одном из местных русских журналов я прочёл интересную статью о творчестве Бориса Пастернака. Быстро разыскал автора. Им оказался бывший военный инженер и учёный-кибернетик, ветеран Великой Отечественной – Израиль Борисович Гутчин. Скромный, небольшого роста, с тихим голосом, он представился запросто: «Изя». Мы подружились. Изя оказался чемпионом по общительности. Судите сами.

Он много лет дружит с Евгением Евтушенко. Последней музе Пастернака — Ольге Всеволодовне Ивинской, он помог написать и издать книжку её воспоминаний: поначалу просто пришел к ней с магнитофоном и попросил рассказать о поэте, а потом, после расшифровки записи, они вместе и написали эти самые воспоминания. А познакомил его с Ивинской Александр Галич. (Кстати, с Галичем он впервые встретился в доме моего московского родственника Абрама Гинзбурга, а родители Галича дружили с семьёй моей родной тёти, маминной сестры Перы Исааковны Зыслиной, что жила на Арбате недалеко от дома, где родился Окуджава).

Изя был знаком с воронежской симпатией Осипа Мандельштама — Натальей Штемпель, с поэтом Серебряного века Рюриком Ивневым (в моём музее есть подлинная рукопись отзыва Анастасии Цветаевой на его стихи), с писательницей и математиком И. Грековой (Е.С.Вентцель), с академиком Акселем Ивановичем Бергом; с Алексеем Эйснером — другом Сергея Эфрона (мужа Марины Цветаевой). Свои воспоминания об этих людях он опубликовал в книге «Жизнь – вкратце». Часть рукописи этой книги, а также фотографии Н.Штемпель и А.Эйснера, выполненные Гутчиным, представлены в экспозиции музея, как и материалы Бориса Мансурова — издателя воспоминаний Ольги Ивинской в России. С Мансуровым меня познакомил все тот же Изя Гутчин, но одновременно я вышел на Бориса Мансуровича через его племянницу Алю Теверовскую, однажды посетившую музей.

СТИХИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ ПРЯТАЛИ НА ДАЧЕ

Мне позвонила моя давнишняя знакомая Галя Маневич: «Одна дама ищет стихи Марины Цветаевой, посвященные Максимилиану Волошину». Конечно, у меня были эти стихи в нескольких изданиях. Оказалось, что Алина Энгельгардт в своё время прятала эти стихи в списках у себя на даче по просьбе своих друзей-диссидентов, но однажды дача сгорела, и списки пропали. Она очень обрадовалась копиям, которые я для неё сделал. Мы познакомились и подружились. Я взял у неё интервью. По общительности Алина Владимировна может посоперничать с Гутчиным. Она неоднократно бывала в семьях поэта Бориса Пастернака, писателя Всеволода Иванова, актёра МХАТа Бориса Ливанова, общалась в Коктебеле с Марией Степановной, женой Максимилиана Волошина. Меня особенно порадовало, что Алина была знакома с моим однокашником — профессором Михаилом Поливановым, внуком Густава Густавовича Шпета (философа, переводчика, театрального деятеля, педагога). Шпет был расстрелян в годы сталинского террора. Его семинар посещал в студенческие годы Борис Пастернак. Тёща Поливанова — М.К.Баранович, хорошая знакомая отца Алины — академика Владимира Энгельгардта, печатала Б.Пастернаку его роман «Доктор Живаго». Марина Казимировна в молодости дружила с М.Волошиным, встречалась с А.Белым, М.Цветаевой, А.Ахматовой.

Её отец, известный московский врач, владел на Воздвиженке частной клиникой, ставшей после революции «Кремлевской больницей», в которой в 20-х годах XX века работала в регистратуре моя мама — Фрума Исааковна Зылина и общалась во время своих дежурств с пациентом больницы Сергеем Есениным...

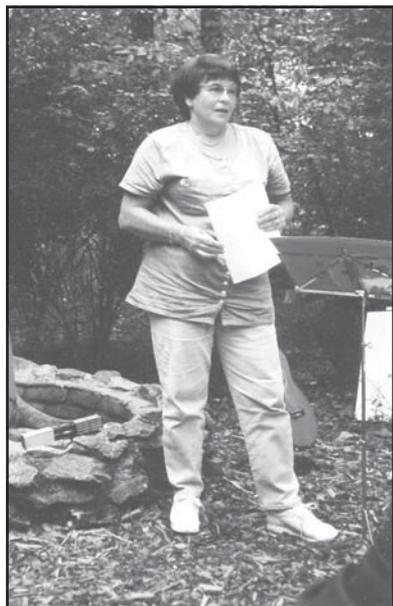
*Я не перестаю удивляться тесноте земного шара. Ведь рассказано здесь только о моих американских встречах, да и то далеко не обо всех. **** А если ещё вспомнить интересные встречи в Москве, Петербурге, Иерусалиме, Тбилиси, Париже, а также в Елабуге, Тарусе, Александрове, Иванове, Болшеве и Коктебеле...*

2002 г.

*На сегодня таких встреч более 10.

**Мне посчастливилось принять участие в организации и проведении вашингтонского вернисажа картин Ирины Брежневской. Её дочка подарила музею копию портрета подруги

**СТИХИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ
ПРЯТАЛИ НА ДАЧЕ**

*Алина Энгельгардт (Москва) на
«Вашингтонском Цветаевском костре»
(фото М.Сироты-Зыслиной).*

*Марина Цветаева в Коктебеле
у М.Волошина, 1911 г.*

*Скульптурный портрет Максимилиана
Волошина (скульптор Нина Вельмина,
Москва, фото из музейного архива автора
книги, дарение С.Покровского)*

Анастасии Цветаевой переводчицы Евгении Филипповны Куниной (1898–1997), ученицы В. Брюсова и А. Адалис.

*** Ныне редактором «Нового журнала» является известный филолог Марина Адамович.

**** Позже в музей поступил самый последний портрет А.Ахматовой. Её выполнила её подруга художница Герта Неменова.

***** После выхода этой публикации в 2002 году у автора состоялось в Америке ещё несколько удивительных встреч, о которых ещё предстоит написать. Например, наш «Вашингтонский музей русской поэзии и музыки» посетили младшая внучка Анастасии Цветаевой (и, следовательно, внучатая племянница Марины Цветаевой) Ольга Трухачёва (Москва), потомок А.С.Пушкина по линии его старшего сына, поэт А.А.Пушкин (Нью-Йорк), филолог Валентина Тейдер (МГУ и музей Сергея Дурылина в Болшеве), филолог из Киева, академик Вадим Скуратовский, проректор Российского гуманитарного университета проф. Дмитрий Бак, подруга племянницы Марины Цветаевой Инны Андреевны Цветаевой Елена Левенсон (Чикаго), проф. Светлана Ельницкая (Бёрлингтон, шт.Вермонт), племянница Осипа Мандельштама Ирина Вербловская (СПб), художница и писательница Катя Московская (Вашингтон, внучка поэтессы Аделины Адалис). Автору повезло также пообщаться с известными американскими профессорами—филологами Лазарем Флейшманом (Калифорния), Омри Роненом (Мичиган), Софьей Богатырёвой (Денвер), Ольгой Хейсти (Принстон), Юлией Трубихиной (Нью-Джерси), Брайаном Горовиц (Нью-Орлеан) и др. Плодотворными оказались контакты с хирургом и писателем Владимиром Голяховским (Нью-Йорк), который в своё время лечил поэта Бориса Пастернака и балерину Майю Плисецкую. Много интересного рассказала подруга одноклассницы Иосифа Бродского Инна Турина (Сент-Пол).

РИСУНКИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ**Архивная находка**

В «Вашингтонский музей русской поэзии и музыки» поступили ксерокопии восьми рисунков поэта Марины Цветаевой.

Я показал их некоторым филологам и художникам. Кто-то нашел в представленных портретах изображения Иовы, пророка с картины Микеланджело «Сикстинская капелла», художницы Марии Башкирцевой, актрисы Сонечки Голлидей, тарусского доктора Ивана Добротворского и даже народного героя Италии Джузеппе Гарибальди.*

Интересно, какие ассоциации возникнут у читателя настоящей статьи?

Не секрет, что хорошо рисовали дети Марины Цветаевой — Ариадна и Георгий. Не чужды этому были и её муж Сергей Эфрон, младшая сестра Анастасия, сын сестры Андрей Трухачёв. Сводный брат сестёр Цветаевых Андрей Цветаев был уникальным экспертом по живописи.

О том, что сама Марина Цветаева рисовала, в литературе, по нашим данным, сообщений нет. Анастасия Ивановна Цветаева утверждала, что их мать, которая прекрасно рисовала (её картины висели в московском доме Цветаевых) передала ей страсть к живописи, а Марине — к музыке. И всё-таки, как мы увидим ниже, Марина Цветаева в молодости рисовала и неплохо. Таланту и тем более гению даётся, как известно, многое.**

В 1992 году (год столетия поэта, объявленный ЮНЕСКО годом Марины Цветаевой) в Российской государственной библиотеке РГБ (бывшей «Библиотеки им. В.И. Ленина») проходила скромная и кратковременная (чуть ли не однодневная или даже полдневная) выставка из материалов архивов библиотеки — «Иван Владимирович Цветаев, семья и его окружение». При открытии выставки говорились речи. Было сообщено, что представленные экспонаты касаются, в основном, Ивана Владимировича Цветаева — проф. Московского университета, основателя Музея изящных искусств (ныне музея изобразительных искусств). В своё время он был директором Румянцевского музея, на базе библиотеки которого и возникла «Ленинка». На одной из стен небольшого помещения выставки, высоко под потолком было обозначено: «Здесь расположены рисунки Марины Цветаевой». Как будто никто из немногочисленных посетителей не придал этому значения.

Я обратился за разъяснениями к присутствующим сотрудникам библиотеки, но вразумительного ответа на мои вопросы по поводу рисунков не получил. Выставка быстро закрылась. Несколько месяцев я звонил в библиотеку, но ничего не добился: как будто бы со мной не хотели общаться.

В 1996 году я уехал в Америку, основал в Вашингтоне «Музей русской поэзии и музыки», где Марина Цветаева занимает ведущее место, имея самую большую экспозицию, включающую фотографии её личных вещей, подлинные портреты, выполненные русскими художниками, 150 листов копий автографов поэта из Бахметевского архива в Нью-Йорке, 12 предметов личных вещей А.И.Цветаевой, подлинные автографы Анастасии Ивановны и Ариадны Эфрон — дочери Марины Цветаевой; книги, статьи, материалы конференция, воспоминания, интервью, фотографии, видео- и аудио-записи, диски, пластинки, значки, медали, экслибрисы (см., например, www.museum.zislin.com, «Новый журнал», №214, 1999, с.280-284, сб. «Русские евреи в Америке», книга 1, Иерусалим-Торонто-Москва, 2005, с.249-259). Об увиденных тогда, на библиотечной выставке, рисунках Марины Цветаевой я не забыл. В литературе ничего о них не появилось до сего дня. Не забыл о них и мой московский друг, организатор ежегодных Цветаевских костров в Тарусе, фотожурналист А.В.Ханаков, которому тоже ничего не удалось узнать даже в недавнее время. Он видел эти рисунки на той же выставке 1992 года.

И вдруг у меня появилась ниточка, потянув за которую, я вышел непосредственно на архив Российской государственной библиотеки.

Я уже десять лет дружу с моими вашингтонскими соседями — супругами Гутчиными, людьми творческими, любознательными, общительными. Кого только не было в России среди знакомых Израила Борисовича и Надежды Яновны. Перечислю некоторых их них: драматург и бард Александр Галич, писатель и математик И.Грекова (Е.С.Вентцель), академик Аксель Берг, воронежская симпатия Осипа Мандельштама — Наталья Штемпель; Ольга Ивинская и её дети, Алексей Эйсер, друг Сергея Эфрона (мужа Марины Цветаевой), поэты Рюрик Ивнев и Евгений Евтушенко...

Как-то осенью 2005 года, разговаривая по телефону с Надеждой Яновной Гутчиной, узнаю, что дочка её лучшей московской подруги Марина Ваганова работает в архиве РГБ. Гутчина регулярно звонит в Москву. Она меня знакомит с ними, и я прошу Марину Ваганову от имени «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки» поискать цветаевские рисунки. Марина с охотой и пониманием отозвалась на

мою просьбу, и через некоторое время я получаю необходимые данные: в архиве библиотеки содержатся 8 рисунков Марины Цветаевой, писать прошение на копирование рисунков от имени музея надо тому-то, дело по копированию рисунков иметь с тем-то!

Посылаю в РГБ официальный запрос на копирование этих рисунков для моего музея. Получаю согласие, данные о стоимости заказа и способах копирования. Отправляю гарантийное письмо, обращаюсь к другу нашей семьи москвичке Галине Эмильевне Трифоновой, подарившей нам в своё время пушкинскую памятную медаль 1899 года, она оплачивает наш заказ, через некоторое время возникает оказия, и копии рисунков оказываются в «Вашингтонском музее русской поэзии и музыки»!

Кажется, всё очень просто, но на это ушло несколько месяцев, заполненных телефонными звонками, электронными письмами, волнениями и ожиданиями очередных сообщений из Москвы и, прежде всего, ожиданиями самих цветаевских рисунков, загадочно промелькнувших на выставке в 1992 году.

В лаконичной сопроводительной бумаге архива РГБ приведены следующие сведения о рисунках: автор — Цветаева Марина Ивановна,*** карандаш, фонд «Никитинские субботники», мужские и женские голы, [1910-ые годы].

В шестом томе семитомного собрания сочинений Марины Цветаевой на с. 216 («Эллис Лак», М., 1994-1995) есть примечание о литературоведе и библиографе Никитиной Евдоксии Фёдоровне (1895-1973). Она в Москве «организовала в 1914 г. литературное объединение, собрания которого проходили на её квартире. С 1921 г. эти заседания получили название «Никитинские субботники». В 1922 г. при литобъединении под тем же названием было создано кооперативное издательство. Цветаева посещала в 1921-1922 гг. «Никитинские субботники», выступала с чтением стихов...». Там же сказано, что 31 декабря 1921 года Марина Цветаева прочла на очередном заседании «Субботников» «Конец Казановы» (третье действие своей пьесы «Феникс»).**** Цветаева вела также издательскую переписку с Е.Ф.Никитиной.***** Из информации, приведённой в Интернете о Никитиной (www.vekperevoda.com/1855/nikitina.htm), следует, что издательство просуществовало до 1931 года и что почти все его книги впоследствии вошли в гослитовские списки на изъятие. В первый период существования «Субботников» (1914-1933 гг.) его посещали Антокольский, Белый, Вересаев, Городецкий, Ивнев, Сельвинский, Телешов, Федин, Инбер, Шенгели, Юон, Бабель, Булгаков, Пришвин, Асеев и другие

002

003

004

005

006

007

008

009

**Марина Цветаева, 1910-ый год
(рисунок неизвестного художника,
сделан с натуры).**

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

1992
Приглашаем Вас
7 декабря в 14.00
на открытие выставки

Ханак
Валентин
А. Армагов
Игорь
Т. Мельник
Валерий
И. Мельник
Михаил
Степан
Александр
Татьяна

Цветаевы и Румянцевский Музей
Книги, документы, автографы
семьи Цветаевых и А.Д.Мейна

Выставка открыта
в Российской Государственной Библиотеке
с 7 по 30 декабря ежедневно, с 12 до 18 часа, кроме воскресенья.
Адрес:
Воздвиженка дом 3, подвал 3, третий этаж.
Вход - бесплатный.

**Афиша Цветаевской выставки в РГБ с
автографами группы посетителей,
1992г., 100-летие Марины Цветаевой
(из архива московского коллекционера
и фотографа А.В.Ханакова).**

известные авторы. «Субботники» возобновились в 1959 году в «хрущёвскую оттепель». Всего в литобъединение Никитиной входило в разное время не менее 128 писателей.

Творчество и судьба Марины Цветаевой интересовали и волновали проф. МГУ Е. Ф. Никитину. При возобновлении после большого перерыва заседаний объединения «Никитинские субботники» в её квартире на Вспольном переулке, д.5, она в 1965 году прочитала доклад, на котором присутствовал друг Анастасии Ивановны Цветаевой и хранитель её архива Глеб Казимирович Васильев. В своём письме ко мне, он привел следующие слова Евдоксии Фёдоровны, записанные им в тот же вечер: «...Я очень любила Марину Ивановну, как поэта и как человека. ...Когда-то я собирала её книги и имела все без исключения сборники её стихов. Особенно радовала меня маленькая книжка «Феникс» — это очень редкое нумерованное издание, не вошедшее даже в наиболее полную библиографию Тарасенкова... Однажды ко мне зашёл поэт Осип Мандельштам, увидел этот сборник и попросил для прочтения на пару дней...». Никитина и Цветаева встречались до 1922 года, т.е. до отъезда поэта за границу к мужу Сергею Эфрону. О нём Никитина тоже рассказывала в своей лекции.

Не случайно, наверное, цветаевские рисунки оказались в никитинском фонде архива РГБ.

Итак, 8 карандашных рисунков: 4 женских головы и 4 мужских головы. Общее впечатление благоприятное. Рисунки выполнены твёрдой рукой. Изображённые портреты очень выразительны и эмоциональны. Лица персонажей имеют правильные черты, прекрасно вырисованы глаза, волосы и другие детали. Создаётся впечатление, что выдержаны точные размеры и пропорции изображаемых объектов. Возможно, что всё это просто перерисовка из какой-нибудь книги с иллюстрациями портретов её героев. Вот слова Марины Цветаевой: «...Я рождена для прекрасного, заселённого тенями героев и героинь» (1919г.). К сожалению, мы не располагаем в настоящее время сведениями о том, кто представлен на графических портретах, выполненных, по версии РГБ, Мариной Цветаевой. Тем не менее, графика поэта не оставляет равнодушным и безучастным смотрящего на иные портреты. Надеюсь, в будущем удастся распознать, кто на них представлен.

В результате проведённых поисков становится всеобщим достоянием знание о творческом диапазоне великого русского поэта XX века — Марины Цветаевой. Её художественные способности ярко проявились в рассматриваемых здесь графических работах. Наверное, и

цветаевская экспозиция в «Вашингтонском музее русской поэзии и музыки», где хранятся полученные из Москвы копии цветаевских рисунков, станет теперь значительнее и интереснее. Цветаевские художественные работы будут демонстрироваться абсолютно всем посетителям музея.

2006 г.

* *Разброс мнений о рисунках Марины Цветаевой непомерно расширился после опроса десятков посетителей «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки». Это, конечно, сюжет для отдельного рассказа. Отметим только, что часть опрошенных сочла рисунки поэта ученическими, а другая часть – вполне профессиональными. Некоторые, например, считают, что на рисунках изображены: Фёдор Достоевский, Владимир Соловьёв, Самсон, апостол Павел, мельник из поэмы А.Пушкина «Русалка», Владимир Стасов, Сергей Коненков, Сара Бернар, кн. Марина Лопухина, Василий.Розанов и др.*

** *В 2007 г. в Институте всеобщей истории РАН вышла книга Н.П.Комоловой «Италия Марины Цветаевой», где приведены некоторые суждения по данной теме. Например, о том, что в отцовском доме изучались каталоги античной скульптуры, что у Марины Цветаевой был «тонкий художественный вкус», что в её комнате на Трёхпрудном стоял слепок «Менады» Скопоса (IV век до н.э.). Здесь же в доме и на даче «висели репродукции и гравюры русских и немецких художников, навеянные Италией, ... гравюры Густава Дорэ к Данте».*

****Такова версия РГБ, где хранятся эти рисунки. Сомневающимся в авторстве Марины Цветаевой предстоит доказать обратное.*

**** *Сохранился протокол этого новогоднего собрания со стихотворным приветствием М.Цветаевой «Плутая по своим же песням...». Цветаева присутствовала также на «Никитинских субботниках», по крайней мере, 17 декабря 1921 г., где читала цикл «Ученик» (7 стихотворений), и 14 января 1922 г., где не выступала.*

******Марина Цветаева предполагала издать в кооперативе «Н.С.» три сочинения: «Конец Казановы», «Мать-верста», «Царь-Девница». Она сдала в это издательство соответствующие рукописи и даже получила аванс (издание не состоялось, а аванс её попросили вернуть).*

ОТБЛЕСК ЦВЕТАЕВСКОЙ СТРАСТИ *Эссе о предполагаемом кольце Марины Цветаевой* **К 115-летию Марины Цветаева (1892-1941)**

*Бог наделил меня самой демократической физикой:
я всё люблю самое простое.*

*О, сто моих колец! Мне тянет жилы –
Раскаиваюсь в первый раз –
Что столько я их вкрявь и вкось дарила...*

...Я всю жизнь прожила на серебре и в серебре умру.

Марина Цветаева

Серебро было страстью Марины Цветаевой. Она любила носить и дарить серебряные украшения — кольца, перстни, браслеты-запястья.

Со слов Цветаевой известно, что сердолик, который ей нашёл Сергей Эфрон на пляже в Коктебеле при первом их знакомстве у Максимилиана Волошина в 1911 году, Марина Ивановна вставила в кольцо, которое свято хранила.

Программист и фотохудожник Майя Саркисян предполагает, что у неё хранится то самое Маринино кольцо. Вообще личных вещей Марины Цветаевой и её родных сохранилось очень мало. Этому способствовали и сложная жизнь поэта, и её трагическая смерть.

Итак, всё по порядку.

В январе 2005 года мы поехали с женой в Нью-Йорк навестить нашу младшую внучку Веру, которая училась в дизайнерском колледже. Кроме всего прочего, мне очень хотелось, чтобы она побывала на моём очередном выступлении. Оно состоялось как раз в ближайшей к её жилищу публичной библиотеке Queens Library. Это выступление организовала проф. Полина Ныс, знаток и любитель живописи, музыки и поэзии. Мы с ней познакомились в Джерси-Сити на 20-летию «Музея русского современного искусства» (основатель Александр Глезер), где я пел стихи Пастернака и Цветаевой.

Мою встречу в этой библиотеке решили назвать так: «Русская поэзия в песнях и романсах. Пастернак. Цветаева. Ахматова. Мандельштам». Библиотека сделала замечательную афишу на русском и английском языках. Накануне концерта мы встретились с Полиной Ныс, чтобы осмотреть помещение и прогуляться по ближайшему микрорайону, заселённому когда-то голландцами. Слово за словом, она как

то между прочим и говорит мне: «Знаете, Юлий, у дочки моих соседей — Майи, очень милой молодой женщины, хранится кольцо Марины Цветаевой».

Представляете моё изумление. Я закричал на всю улицу: «Где она, и как с ней можно встретиться? Пригласите её, пожалуйста, на моё завтрашнее выступление!». Но не так-то всё просто: Майя занята, плюс Полинина щепетильность, плюс «надо поговорить с родителями». Тем не менее, на мой концерт пришёл папа Майи. Несколько раз во время выступления я обращался к нему со сцены, потом подарил мои книги стихов и диски с песнями. В общем, пытался «обаять» его. В результате утром следующего дня мы встретились с Майей у этой самой библиотеки. Причём, мы с ней обнялись и расцеловались, как старые друзья, хотя виделись впервые.

Майя сразу очаровала меня своей простотой, искренностью, миловидностью. Она явно была взволнована. На руке у неё было надето то самое кольцо! Я не мог на него наглядеться. Брал его в руки, крутил и так и эдак, пытался его и её сфотографировать своим стареньким фотоаппаратом. Кольцо получилось не очень резко: оно же маленькое. Зато позже Майя прислала мне огромную художественную фотографию кольца. Накануне, возвращаясь с концерта, я специально купил microcassette recorder "Panasonic", и теперь начал записывать наш разговор о Маринином кольце: как оно к ней попало, что она о нём думает... Позже она прислала по моей просьбе по электронной почте своё краткое письменное объяснение. Скажу для остроты сюжета, что это кольцо попало к Майе, по её словам, через Анну Александровну Саакянц, биографа и исследователя жизни и творчества Марины Цветаевой, секретаря комиссии Союза писателей СССР по литературному наследию поэта. Саакянц много лет общалась с Ариадной Эфрон, дочерью Марины Цветаевой.

Итак, привожу фрагменты моей беседы с Майей Саркисян, которая состоялась 8 января 2005 года (естественно, по расшифровке магнитофонной записи):

Я. Здравствуйте, я сегодня ночью не спал: мне предстояла встреча с кольцом Марины Цветаевой. Это такое событие необыкновенное. Получается так, что я поселился в Америке, чтобы посмотреть на эту кольцо. Потрясающе! Я хочу, прежде всего, Вас спросить, что Вы знаете про это кольцо? Как оно попало к Анне Александровне? Как оно попало к Вам? После паузы я добавил: Это сердолик? Это тот самый сердолик, который Эфрон нашёл на пляже в Коктебеле?

Майя. Да-да-да! Я так думаю, да. Я точно в этом не уверена. А

как попало кольцо к тётё Ане, я не знаю.

Я. Наверно, от Ариадны? Они очень дружили.

Майя. Да. Скорей всего, да.

Я. А как оно к Вам попало (спросил я заискивающе в ожидании сенсации)?

Майя. Тётя Аня – очень большая подруга матери моей близкой подруги детства Наташи. Мы жили совершенно рядом. У нас был один<общий>балкон, и мы дружили с детства. Она как бы с детства была подвержена влиянию тётёи Наташи, её мамы. Мандельштам и...

Я. А как фамилия мамы?

Майя. Гончар. Наталья Гончар – известный переводчик. Она перевела <с английского Вильяма> Сарояна. Она написала в соавторстве с кем-то, я не помню, и выпустила книгу о Мандельштаме, где-то в 90-м году перед моим отъездом. Такая тоненькая, беленькая книжечка.

Я с детства знала тётю Аню, она приезжала из Москвы в Ереван и гостила у них часто.

Я. Это всё в Ереване происходило?

Майя. Да, в Ереване. А потом... я стала ездить в Москву, стала навещать тётю Аню и её мужа Николая Николаевича. Он переводчик. Я очень любила бывать у тётёи Ани дома, потому что, во-первых, я её очень люблю, как человека, и у неё был очень интересный дом: украшения, целая куча, картины, зеркало.

Я. Куда же это всё делось?

Майя. Как? Это всё у неё.

Я. Тётя Аня умерла.

Майя. Я не знала.

Я. Она умерла в январе 2002 года. Кое-что из своего архива она обещала через моих друзей передать мне.

Далее я, чтобы ещё больше расположить владелицу кольца к себе (вдруг та захочет подарить или продать его музею), долго хвастался, как много у меня в музее есть по цветаевской тематике и не только, и даже показал специальный альбом, который, конечно, не забыл захватить с собой.

Затем я спросил:

Неужели Анна Александровна Вам такую ценность прямо так и подарила?

Майя. Нет не мне. Она подарила кольцо Наташе.

Я. Ага!

Майя. Я перед отъездом сюда <в Америку>попросила своего дядю сделать мне копию этого кольца. Он сделал мне копию, и я его увез-

ла. При всяких переездах туда-сюда я его потеряла. Я попросила его, чтобы он пошёл к Наташе и попросил ещё раз, и сделал копию ещё раз. И Наташа просто отдала это кольцо. И сказала: «Маечке это кольцо дороже, чем мне», — наверно, так она говорила (мы в этом месте почему-то оба смеёмся), — «Пусть заберёт его совсем!»

Я. Ничего себе.

Майя. Так оно попало ко мне. А сейчас мне Николай Николаевич подарил огромную часть своей библиотеки, когда я последний раз была у них три года назад. Я поддерживаю отношения с Наташей.

Я. Я недавно звонил по телефону Анны Александровны. Подошла молодая женщина. Наверное, ей А.А. всё завещала. Она сказала, что отдала всё в Дом-музей Марины Цветаевой, как А.А. её просила.

Майя. Угу.

Я. Понятно. Очень интересно. Если вы когда-нибудь надумаете его продавать, то у вас есть покупатель. У меня много дарений (показываю альбом). В прошлом году мой музей получил 200 дарений, в том числе, 12 предметов личных вещей Анастасии Цветаевой: очки, портмоне, иконка, волосы. Вот подлинный портрет Ахматовой с автографом поэта, это предпоследний прижизненный её портрет, сделанный с натуры.

Майя. У вас для музея отдельное помещение?

Я. Пока всё у меня дома. Я занимаюсь поиском помещения.

Вот фотографии личных вещей Марины Цветаевой: чашка, тарелка, вот украшения. Бусы, платье. Мало что сохранилось. Вот тоже авторские работы: портреты Гумилёва, Пастернака, Цветаевой. Её портрет я купил недавно.

Майя. Да, интересно.

Я. Вот последний портрет Ахматовой, выполненный её подругой Герттой Неменовой. Я всё это собираю, об этом пишу. Мой веб сайт читают практически во всём мире, в том числе, в Ереване. Я затеял в 2002 году (110-летие Марины Цветаевой) Всемирный Цветаевский костёр, и мне написали студенты Ереванского университета, что они тоже провели такой костёр.

Майя. Да?

Я. В Ереване целая группа людей занимаются Мариной Цветаевой. Например, Татьяна Геворкян хорошо известна. Вот я открыл «Аллею русских поэтов в Вашингтоне». Вот дерево Марины Цветаевой.

Майя. Как вам это удалось?

Я. Всё было организовано. Всё это серьёзно. Так что ваша фотография вашего кольца, которую вы сделаете профессионально, < зай-

мёт в музей своё место>.

Майя. Я не знаю, насколько это будет профессионально. Я не фотографирую предметы.

Я. Положите на какой-нибудь материал.

Майя. Не волнуйтесь. Я постараюсь.

Наша беседа подходила к концу. Чувствовалось, что она затянута, и я начал суетиться, будучи крайне взволнован. В спешке я попытался сфотографировать кольцо, Майю и попросил её сфотографировать меня с кольцом в руках. Позже, дома, я составил небольшой фотоальбом, отражающий всю эту историю.

Через некоторое время, а именно 14 марта 2005 г., я получил по почте прекрасную цветную фотографию кольца Марины Цветаевой, выполненную Майей Саркисян.

На обороте этой фотографии рукой Майи было написано следующее:
“*The Ring of Russian poet Marina Tsvetaeva.*

Uli, please accept this photograph of The Ring as gift to your valuable collection!

Love and peace.

Maya Sarkisyan”

Ещё до этих фотографий я получил от Майи письмо, написанное опять же по-английски. О нём мы договорились ещё при встрече в Нью-Йорке.

Привожу его полностью:

“*Hello Uli!*

I apologize that it took such a long time to send you a picture of the Ring. I wanted to make a proper shot and a proper printout but my busy life was interfering with my good intentions. Please find attached the photo of Ring, and the actual printout I have later such as my printer doesn't work as of now.

The story of the Ring is very simple:

Since I was a child I always been fascinated by the poetry of Marina Tsvetaeva and new lots of her poems by heart/ At the same time the mother of my best friend's Natasha Khandzhian – Natalie Gonchar was a famous translator and well known in the Armenian world literature. She had a close friend – Anna Saakiantz who devoted her professional life to the studies of Tsvetaeva's poetry. Anna had an amazing collection of

Tsvetaeva's jewelry and other personal items (выделено мною. – Ю.З.) and once upon a time she presented one of the rings to my best friend... We both cherishes and lover The Ring until I had to immigrate to the States/ At this moment I made copy of the Ring and took it with me, because we didn't even think of taking such a trea sure out of the country and as my friend was the owner of the Ting – it stayed with her. Some 3-4 years passed and copy of the Ring was lost during one of many moving from one place to another. I wrote back to the jeweler who made a copy and ask him to make me another one – at the same time arranged everything with my friend Natasha/ In a few month I received the Ring itself – my dear friend Natasha made a generous gift to me and sent me the original. Since that timt the Ring with me...

Uli, thank you very for interest in the Ring. I will try to send you printed photo as soon as I can.

*Regards.
Maya”*

История кольца осталась той же. Интересно, правда, что здесь чётко сказано о наличии у Анны Саакянц целой коллекции «изумительных» Цветаевских украшений, и что Наташе было подарено одно из имеющихся у Анны Александровны цветаевских колец.

Теперь мне предстояло утвердиться или разувериться в подлинности истории о кольце Марины Цветаевой, о том, что оно серебряное и с сердоликом. На это ушло много времени.

Самое печальное, что уже нельзя спросить Анну Александровну Саакянц о том, было ли у неё такое кольцо, как оно к ней попало, дарила ли она его Наташе Гончар-младшей (Ханджян), подруге Майи. Александр Васильевич Ханаков, который много общался с Саакянц в Москве и бывал у неё дома, ничего не мог сказать о кольце. Известный биограф и исследователь творчества Марины Цветаевой писательница из Петербурга Ирина Викторовна Кудрова в ответ на мои сомнения сказала: «Будете писать или рассказывать об этом кольце, что логично сделать, отмечайте предположительность версии».

Ариадны Эфрон — дочери Марины Цветаевой, и подруги Анны Саакянц, давно уже нет на свете. Оставалось найти в Ереване Наталью Александровну Гончар-Ханджян, известную русистку, доктора филологических наук, переводчицу. После многоступенчатых поисков мне, в конце концов, удалось узнать номер её телефона, и я позвонил ей в Ереван. Наталья Александровна ничего не знала о кольце и обещала подумать и поговорить с дочерью.

Queens Library

New Americans Program

представляет

PROGRAM IN RUSSIAN

Выездная программа - творческая встреча
Вашингтонского музея русской поэзии

Русская поэзия в песнях и романсах

Поёт под гитару и рассказывает
автор-исполнитель (Москва-Вашингтон)

ЮЛИЙ ЗЫСЛИН

Хранитель Вашингтонского
музея русской поэзии

На встрече можно приобрести и заказать
следующие сочинения Юлии Зыслиной:

1. Книжки стихов - «Далеко» (Москва, 1992), «Иностранец» (Москва, 1992), «Сезон» (Вашингтон, 2000).
2. Аудио-кассеты избранных песен
музыки, вокала, гитары - Ю.Зыслин.
3. Избранные диски песен (Вашингтон,
Москва, вокал, гитары - Ю.Зыслин):
а - «Город мэр» (Париж, Маргариет, Вашингтон,
Москва, Пембертон, Киев, Одесса, Ембург,
Тарус, Пардалькино, Купаль);
б - «О женщинах» на стихи Ахматовой,
Цветаевой, Пастернака, Мандельштама,
Мандельштам, Г. Иванов, Зыслинский,
Судзиловский, Анастасий, Деметриус,
Шаткина, Солонько, Деметриус,
Кудряков, Высокот, Зыслин

www.muzeum.zslyn.com
1-301-942-2728, e-mail: muzeum@zslyn.com

Пастернак
Цветаева
Ахматова
Мандельштам

Суббота, 8 января
2:00 p.m.

Forest Hills Branch
108-19 71 Avenue
1-718-269-7934

Часы работы:
Пон-Пят, 1-8
Втор, 1-8
Среда/Пят, 10-6
Суб, 10-5
Воск, закрыто

Метро 71-Continental Ave.
Forest Hills (E, F, R, V), exit North

ВХОД СВОБОДНЫЙ
Информация по телефону:
1-718-269-7934
(Marjorie in English and Angela in Russian)

www.queenslibrary.org

ОТБЛЕСК ЦВЕТАЕВСКОЙ СТРАСТИ

Афиша выступления
Ю.Зыслина в Нью-Йорке,
2005г.

Выступление Ю.Зыслина
в Нью-Йорке, 2005г.

*Кольцо Марины Цветаевой
в руке Майи Саркисян
(фото автора).*

*Кольцо Марины Цветаевой крупно
(фото Майи Саркисян).*

Ожидая ответа из Еревана, я просмотрел всё, что было у меня собрано по поводу любви Марины Цветаевой к серебряным украшениям, а также все, что касалось Коктебеля и истории с сердоликом. Я поговорил с опытным ювелиром.

В результате возникла следующая картина.

По словам чешской подруги Марины Цветаевой — Анны Тесковой, Цветаева любила дымчатый цвет. Примерно такой цвет имеет и сердолик кольца, которое находится у Майи Саркисян.

Анастасия Ивановна вспоминала, как они с Мариной в юности рылись «в сокровищах Сердоликовой бухты, показывая друг другу добычу, вскрикивая при каждом розовом, алом, почти малиновом камне, подёрнутом опаловой пеленой» (опаловый – это молочно-голубой цвет. – Ю.З.).

Когда же я позвонил во второй раз в Ереван Наталье Александровне Гончар, оказалось, что у нас много общих интересов. Она много занималась Серебряным веком — Волошиным, Цветаевой, Мандельштамом, Белым, и даже обещала прислать мне при наличии okazji свою книгу об Андрее Белом.* Насчёт кольца она была весьма категорична: «Это выдумка девчонок. Школьницы что-то видели, говорили, хвастались, преклоняясь перед Мариной Цветаевой. Я знаю, что у Анны Александровны был медальон с фотографией молодого Сергея Эфрона, остальное она отдала в музей. Не могла Анна Александровна подарить им такую ценность. Это исключено», — вот примерно это было услышано по телефону мною в Вашингтоне из далёкого Еревана не при идеальной связи.

А почему, собственно, Анну Саакянц, не имевшую своих детей, не могла растрогать жажда девочки-подростка, дочки любимой ереванской подруги, иметь на своей руке кольцо, которое ей приглянулось? Обычная жизненная ситуация. Анна Александровна, насколько я знаю, не была лишена удали и размаха, была женщиной, как говорится, бедовой. Я вполне допускаю такой жест с её стороны. А почему бы и нет?.. Ведь сама Марина Цветаева так любила дарить свои кольца другим! Кроме того, по мнению одного вашингтонского ювелира, которому я показал цветную фотографию, кольцо не представляло собой материальной ценности: корпус кольца скорее всего не серебряный, и это не авторская работа.**

В этом нет ничего удивительного: видимо, были и такие кольца-перстни в коллекции семьи Марины Цветаевой. Например, на Цветаевской выставке 1992 года в ГМИИ им. А.С.Пушкина демонстрировался перстень — 1910-е, металл, сердолик». Кстати, на этой выставке

были экспонаты с пометкой «Собств. А.А.Саакянц, Москва», хотя её московская подруга Гречанинова В.С. утверждает, что у А.А. не было цветаевских колец. Вообще на этой выставке были представлены и «материалы личных коллекций (выделено мною. – Ю.З.) : семьи Пастернаков, М.И.Белкиной, Ю.Н.Горохова, Ю.М.Каган, А.А.Саакянц, Л.М.Турчинского, И.И.Эренбург, Л.К.Чуковской и других». Может быть, в силу обычности кольца Саакянц и не передала его ещё при жизни куда-нибудь в музей. Тем более, что у неё, видимо, было несколько подобных колец. Так ведь и медальон с портретом Сергея Эфрона, который она, якобы, оставила себе, это и есть настоящая музейная ценность. Архивист В.С. Гречанинова видела у Анны Александровны ещё и медальон Марины Цветаевой с портретом Пушкина, который будет вскоре передан ею в Болшевский музей поэта. Значит, получается, что ценный медальон можно было себе оставить, а рядовое кольцо, которых у Марины Цветаевой, по её словам, были сотни (см. эпиграф), подарить Анна Александровна не могла. Естественно, что владелец личной коллекции может распоряжаться своей собственностью, например, дать её на выставку, оставить себе или подарить кому-нибудь.

Ссылаясь на дневниковую запись Марины Цветаевой, А.А.Саакянц как-то упомянула о том, что однажды, возвращаясь ночью из гостей, Марина Ивановна имела на руках девять серебряных колец, плюс обручальное кольцо, два браслета и часы...

Вот это, я понимаю, — страсть: надеть на пальцы рук девять (!) серебряных (!) колец (!) и пройтись в одиночестве по ночной Москве в 1918 голодном году...

А почему бы нам не предположить, что как раз одно из этих колец почти через 90 лет обнаружилось в Америке, в Нью-Йорке?

Пути Господни неисповедимы...

2007 г.

** Через 2 года эта интересная книжка, изданная в Ереване в 1985 г., наконец, достигла музея в Вашингтоне. Сначала из Еревана её перевезли на автомобиле в Тбилиси, а уж потом с оказией в Вашингтон. Об этом тоже можно при случае рассказать занимательную историю в стиле данной книжки.*

***Недавно я показал фото кольца ещё одному очень опытному ювелиру из Нью-Йорка. Его отзыв я записал на плёнку. Он утверждал, что это, безусловно, русская работа, скорей подделка, материал — серебро, камень — возможно, агат или сердолик. (В музей поступила также совсем уж невероятная информация о плоском золотом коль-*

це, которое в своё время себе заказала жительница Нью-Джерси и бывшая москвичка Софья Кан, используя при этом описание кольца, подаренного Мариной Цветаевой Павлу Антокольскому в 1919 году, о чём она рассказала в «Повести о Сонечке»).

НЕРУКОТВОРНЫЕ ПАМЯТНИКИ**К 115-летию Бориса Пастернака (1890-1960)**

*Борис Пастернак — наша трудовая,
следовательно, — золотая жила.
...Он — первый поэт России. Об этом знаю я
и ещё несколько человек, остальным придётся
подождать его смерти.*

Марина Цветаева. 1926 год.

Так случилось, что я родился в Москве на Тверской улице в 300-х метрах от места рождения Марины Цветаевой (Трехпрудный переулок), а последние 28 лет перед отъездом в Америку прожил опять же в 300-х метрах, но уже от дома, где родился Борис Пастернак. Причём, многие годы об этом доме никто не вспоминал. А расположен он в Оружейном переулке (угол 2-ой Тверской-Ямской улицы) вблизи Триумфальной площади, больше известной как площадь Маяковского. Где-то в начале 1990 года московские власти задумали его снести. Общественность подняла шум и отстояла дом. На нём появилась даже мемориальная доска. Тогда-то я его и сфотографировал.

К творчеству Бориса Пастернака я окончательно прикипел, когда мне жена подарила дефицитный в то время сборник его стихов в малой серии «Библиотека поэта»: Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы. Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания Л.А.Озерова. Советский писатель. Ленинградское отделение, 1977. На меня обрушился целый каскад очень близких мне стихотворений, к которым я в течение нескольких лет подбирал мелодии. Это спасло меня от творческой депрессии того времени. Позже я стал собирать всё, что связано с Пастернаком, познакомился со Львом Озеровым и даже поучаствовал, как бард, в двух его вечерах памяти Бориса Пастернака. За 27 лет у меня образовался некоторый архив поэта, а в моём песенном активе оказались следующие его стихи (по алфавиту): «Август» («Как обещало, не обманывая...»), «Во всём мне хочется дойти...» (песней на эти стихи я несколько лет в России начинал свои авторские выступления), «Быть знаменитым некрасиво...» (запел по просьбе публики), «Гамлет» («Гул затих. Я вышел на подмостки...»), «За поворотом» («Насторожившись, начеку...»), «Зимняя ночь» («Мело, мело по всей земле...»), «Мне снилась осень...», «Моя молитва» (из Н.Бараташвили), «Осенний лес заволоцатил...», «Сиреневая ветвь» («Ты в ветре, веткой пробующем...»),

«Синий цвет» (из Н. Бараташвили), «Сонет 66» (из Шекспира), «Февраль. Достать чернил и плакать!..».

Такова преамбула.

Теперь — о памятниках великому русскому поэту.

В Переделкине на могиле Бориса Пастернака стоит высокий светлый камень с его профилем, выбитым в верхней, расширенной части камня. Напротив него — лавочка. Сюда приходят почитатели поэта. Здесь звучат его стихи, чаще всего — «Август». Есть ли ещё где-нибудь традиционные памятники Пастернаку, я не знаю,* но поэтический памятник — есть. Имеется в виду стихотворение Александра Галича «Памяти Б.Л. Пастернака». Ключевые строчки пришли ему 4 декабря 1966 года как раз в Переделкине, на загородной платформе, в ожидании электрички.

*Разобрали венки на венки,
На полчасаика погрустнели...
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!
И терзали Шопена лабухи,
И торжественно шло прощанье...
Он не мылил петли в Елабуге
И с ума не сходил в Сучане!
Даже киевские письмэнники
На поминки его постели.
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!..
И не то, чтобы с чем-то за сорок —
Ровно семьдесят, возраст смертный.
И не просто какой-то пасынок —
Член Литфонда, усопший сметный!*

*Ах, осыпались лапы елочки,
Отзвенели его метели...
До чего ж мы гордимся, сволочи,
Что он умер в своей постели!
«Мело, мело по всей земле, во все пределы.
Свеча горела на столе, свеча горела...»
Нет, никакая не свеча —
Горела люстра!
Очки на морде палача
Сверкали шустро!*

А зал зевал, а зал скучал —
 Мели, Емеля!
 Ведь не в тюрьму и не в Сучан,
 Не к высшей мере!
 И не к терновому венцу
 Колесованьем,
 А как поленом полицу —
 Голосованьем!
 И кто-то, спяну, вопрошал:
 — За что? Кого там?
 И кто-то жрал, и кто-то ржал
 Над анекдотом...
 Мы не забудем этот смех
 И эту скуку!
 Мы — поименно! — вспомним всех,
 Кто поднял руку!..
 «Гул затих. Я вышел на подмостки.
 Прислонясь к дверному косяку...»
 Вот и смолкли клевета и споры,
 Словно взяты у вечности отгул...
 А над гробом встали мародёры
 И несут почётный...
 Ка-ра-ул!

Это стихотворение, уже в виде песни, взорвалось бомбой в Академгородке под Новосибирском в марте 1968 года.

Галич об этом вспоминал так:

«...Это был, как я теперь понимаю, мой первый и последний открытый концерт, на который даже продавались билеты.

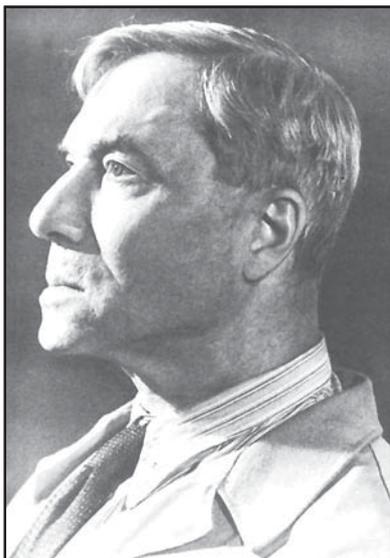
Я только что исполнил как раз эту самую песню «Памяти Пастернака», и вот, после заключительных слов, случилось невероятное — зал, в котором в этот вечер находились две с лишним тысячи человек, встал и целое мгновение стоял молча, прежде, чем раздались первые аплодисменты...».

Как участник Фестиваля «Песня-68», организованного клубом физиков «Под интегралом», Галич получил серебряную копию пера Пушкина и Почётную грамоту со словами: «Александр Аркадьевичу Галичу — За лучшие песни Фестиваля «Караганда», «Старатели», «Памяти Пастернака».

Власти, сталинисты, да и начальственная писательская братия

НЕРУКОТВОРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Борис Пастернак. 1959 г.

*Дом, в котором родился
Борис Пастернак, Москва,
Оружейный переулок
(фото автора, 1996 г.)*

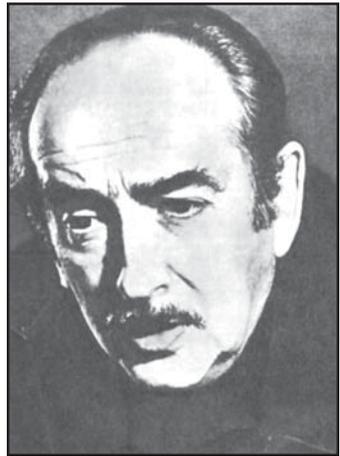

*Мемориальная доска на
доме, где родился
Борис Пастернак
(фото автора, 1996 г.)*

*Мраморная пластина
у пастернаковского дерева
на «Аллее русских поэтов»
в Вашингтоне (фото автора).*

*Александр Галич
(Гинзбург).*

*Музей-дача Пастернака
в Переделкине.*

(«Очки на морде палача сверкали шустро» при обсуждении в Союзе писателей «поведения» Нобелевского лауреата Б.Л.Пастернака) не простили Галичу тона стихотворения о Пастернаке и реакции интеллигенции на него. Особенно задели их слова: «...До чего ж мы гордимся, сволочи, что он умер в своей постели!».

Здесь вся наша прошлая жизнь, включая ГУЛАГ («Сучан»), самоубийство Марины Цветаевой («Елабуга») и история травли Пастернака, когда коллеги-писатели казнили его «как поленом по лицу — голосованьем». Галич отхлестал их поэтическими строками своей песни-памятника. Причем, он здесь дважды процитировал Пастернака из сочинений доктора Живаго. Первое — это «Зимняя ночь» (бытуют ещё такие его названия: «Мело, мело по всей земле...», «Свеча горела на столе...», или просто «Свеча») и второе — «Гамлет» («Гул затих. Я вышел на подмостки...»).

Все, конечно, знают и помнят чтение Владимиром Высоцким, как говорится, на разрыв аорты, стихотворения «Гамлет» в одноименном спектакле Московского театра на Таганке.

Наверное, можно рассматривать это стихотворение как памятник поэта самому себе.

*Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далёком отголоске
Что случится на моём веку.*

*На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.*

*Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идёт другая драма,
И на этот раз меня уволь.*

*Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.*

На моих глазах та же поэтическая галичевская «бомба» взорва-

лась и в 1988 году в популярном Московском клубе ЦДМ – Центральном Доме Медиков, что улице Герцена (ныне снова Большая Никитская) недалеко от Московской консерватории и совсем рядом с Театром имени В.В.Маяковского. Отмечалось десятилетие со дня смерти Галича. Это было время робкого проявления гласности в России. Коммунисты ещё были у власти, и имена Гумилёва, Цветаевой, Галича и других запрещённых и полузапрещённых деятелей искусства звучали ещё приглушённо.

Вечер памяти Галича, как я теперь понимаю, был для узкого круга. Показывали редкие киносъёмки. Центральными сюжетами были «Баллада о Януше Корчаке» и песня «Памяти Пастернака». Съёмки не очень качественные, но голос и гитара звучали отчётливо и воздействовали очень сильно. Атмосфера была тоже соответствующая — торжественная, эмоциональная, наэлектризованная...

Протяжный речитатив Галича, его своеобразный тембр голоса, ударение (нажим) на отдельные слова и слоги, а также отрывочный звон металлических струн его гитары – всё очень громко — производили огромное впечатление. Небольшой уютный зал ЦДМ, заполненный, по-моему, наполовину, просто замер. Представляю себе, какое потрясение испытала публика в 1968 году в Новосибирске.

Творческая натура Бориса Пастернака была многосторонней. Еще в Москве мне удалось раздобыть ноты трех его музыкальных композиций. В юности поэт занимался сочинением музыки, был известным в Москве импровизатором. Для встречи в моём московском музыкально-поэтическом салоне «Свеча» с Львом Озеровым, который поделился своими воспоминаниями о Пастернаке (он с ним общался в течение 25 лет), я пригласил студента Московской консерватории пианиста Возгена Вартапяна. Он уже выступал у меня в салоне, как ученик педагога Аллы Турянской. На пастернаковском вечере он исполнил две прелюдии поэта. Записи этого вечера хранятся теперь в «Вашингтонском музее русской поэзии и музыки».

В музее также можно ознакомиться с интервью, взятым у Алины Энгельгардт, которая, как родственница артиста МХАТа Бориса Ливанова, друга поэта, была вхожа в дом Пастернака.

В архиве музея немало материалов, связанных с воспоминаниями подруги поэта Ольги Ивинской. Этому, как я уже говорил раньше, способствовало мое знакомство и дружба с И.Б.Гутчиным (он помогал ей в написании воспоминаний) и с Б.М.Мансуровым, который первым издал эти воспоминания в России.

Борис Леонидович Пастернак много лет прожил в подмосковном Переделкине. Он очень любил природу этой местности. Готовясь к уходу в

мир иной, он написал в последние годы своей жизни сначала «Август» (1953), а затем «За поворотом» (1958), где отразилась эта любовь. Приведу второе стихотворение полностью, как реже упоминаемое, но не менее прекрасное:

*Насторожившись, начеку
У входа в чащу,
Щебечет птичка на суку
Лёгко, маняще.*

*Она щебечет и поёт
В преддверьи бора,
Как бы оберегая вход
В лесные норы.*

*Под нею – сучья, бурелом,
Над нею – тучи,
В лесном овраге, за углом –
Ключи и кручи.*

*Нагроможденьем пней, колод
Лежит валежник.
В воде и холоде болот
Цветёт подснежник.*

*А птичка верит, как в зарок,
В свои рулады
И не пускает на порог
Кого не надо.*

— — —

*За поворотом, в глубине
Лесного лога,
Готово будущее мне
Верней залога.*

— — —

*Его уже не втянешь в спор
И не заластишь.
Оно распахнуто, как бор,
Всё вглубь, всё настезь.*

В Переделкине я бывал и пел свои песни на его стихи. Однажды это случилось в музее поэта (в его рабочем кабинете) и несколько раз у могилы. Последний раз я подождал, когда все уйдут с переделкинского кладбища, и спел поэту его стихи, как бы попрощавшись с ним: впереди была Америка...

Здесь возникло и моё стихотворение — как бы ответ на его «За поворотом», приведённое выше :

*В Переделкине тихо, исчезла луна,
Под сосною цветы подсыхают.
И щебечет она,
Весела и вольна,
Птичка та, что страданий не знает.*

*А овраг, как порог, слышит птичьи лады,
Что звучат средь ветвей, не смолкая.
И легла на труды,
На гладь тёмной воды
Тень восторженная и шальная.*

*Лог лесной недвижим, он пролёт как строка,
Ему Бог сон поэта доверил.
И толтою снега —
Одеял облака
Сбились в кучу, гонимые ветром.*

*Переход от забот в неизвестность без ссор,
Где прозрачные блики мелькают,
Где не слышится спор,
Где огромный простор,
Где душа, возносясь, отдыхает.*

1991г.

С августа 1974 года на радио «Свобода» появилась новая рубрика «У микрофона Александр Галич». 28 мая 1975 года Александр Аркадьевич рассказывал о встречах с поэтом и о своём посещении могилы Пастернака весной 1974 года. По его словам, однажды Борис Леонидович сказал: «Вы знаете, поэты или умирают при жизни, или не умирают никогда».

Закljučая свой рассказ, Галич произнёс:

«БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ НЕ УМРЁТ НИКОГДА».

В Вашингтоне на «Аллее русских поэтов» в честь Б.Пастернака посажено дерево, к которому можно всегда прийти и как бы пообщаться с поэтом. Перед этим деревом, первым в левом ряду «Аллеи», как и перед девятью остальными деревьями «Аллеи», установлена соответствующая мраморная пластина.

Любители поэзии могут положить сюда живые цветы.

Кстати, первое дерево правого ряда «Аллеи» – пушкинское. Оно прямо напротив пастернаковского дерева, а 10 февраля по новому стилю – День рождения Пастернака и одновременно День памяти Пушкина.

Вот и получается (на это намекал ещё Пушкин), что памятники поэтам не обязательно должны быть изваяниями из камня, чугуна или бронзы: они могут просто высветиться – стихами, песнями, листвою, цветами, памятью.

2005 г.

** В 2007 г. появилось всё же сообщение о планах установки памятника Борису Пастернаку в Москве, на Волхонке, во дворе дома, где он когда-то жил. В моём музее есть фотография проекта этого памятника.*

ЯМА

К 110-летию Осипа Манделъштама (1891-1938)

Есть ли где-нибудь улица имени Манделъштама? Звоню в Москву, в Российский государственный гуманитарный университет, где размещается «Международное Манделъштамовское общество». Оказалось, что на сегодняшний день такой улицы нет ни в Москве, ни в Петербурге, ни во Владивостоке, ни в Воронеже, ни в Феодосии – нигде...

*Это какая улица?
Улица Манделъштама.
Что за фамилия чёртова –
Как её не вывёртывай,
Криво звучит, а не прямо.*

*Мало в нём было линейного,
Нрава он не был лилейного,
И потому эта улица,
Или, верней, эта яма –
Так и зовётся по имени
Этого Манделъштама.*

Во Владивостоке считают, что «эта яма» как раз та, куда сбросили труп ээка Манделъштама.

Кое-кто из бывших заключенных вспоминал через много лет о чудачковатом, беззубом, оборванном старике, который читал у костра Петрарку и Данте. Он почти не ел лагерную пищу: боялся, что его отравят. «Пересылка» располагалась на Второй речке (опять «речка» — вспоминается Чёрная речка, место дуэли Пушкина, к которому, по словам Ахматовой, Манделъштам относился с особым благоговением). Она стала его последним, земным прибежищем. Здесь он умер 27 декабря 1938 года, за две с половиной недели до своего 48-летия. Одним помнилось, что он упал в бане от крайнего истощения, другие же – называют лагерный лазарет, тифозное отделение. Трупы умерших обычно складывали тогда штабелями около лазарета, как брёвна или дрова, где они быстро промерзали (декабрь – лютая зима). А уже весной их сбрасывали в яму, а точнее в один из трёх рвов, оставшихся от бывшей Владивостокской крепости. Теперь на этом месте построены жилые дома и проходит небольшая извилистая улица. В одном из этих домов проживает скульптор Валерий Ненаживин, который у себя во дворе поставил в 1998 году бетонную скульптуру

Мандельштама. Вскоре нашлись охочие надругаться над ней. Тогда её изготовили из металла. Но опять – беда: металл напоминал ценный в наше время материал – бронзу. Недавно в Интернете можно было прочесть сообщение о том, что этот злополучный памятник собираются отлить уже из чугуна.*

В 1991 году местное отделение общества «Мемориал» обратилось к властям за разрешением назвать, наверное, ту самую извилистую улицу у Второй речки именем Мандельштама, чья « фамилия чёртова... криво звучит, а не прямо». Видимо, 10-ти лет для решения этого вопроса недостаточно...

О какой же яме всё-таки говорится в стихотворении «Это какая улица?..». Оно написано в апреле 1935 года в Воронеже. Поэт сам выбрал этот город для своей вынужденной ссылки. Здесь супруги Мандельштамы прожили с июня 1934 года до мая 1937-го и сменили несколько адресов. Наталья Штемпель (1908 – 1988) — друг семьи и симпатия Осипа Эмильевича в Воронеже (ей он посвятил несколько прекрасных лирических стихотворений) описала эти адреса в своей книге «Мандельштам в Воронеже» (Москва. 1992). Все дома, кроме одного, где жили Мандельштамы, перестроены. Этот один — огромная пятиэтажка в центре города по ул.Энгельса, д.13. Здесь поэт пребывал со своей «нищенкой-женой» несколько месяцев 1936 года.** В архиве «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки» есть фотография этого дома примерно 1968 года, подаренная музею ветераном войны И. Гутчиным. К дому его подвела сама Наталья Евгеньевна Штемпель.

Осенью 1934 года Мандельштамы сняли комнату в доме №4 по 2-ой Линейной улице (сейчас это переулок Швейников, д. 4-б). Вот откуда, оказывается, про «линейность» у Мандельштама («мало в нём было линейного»). И не только об этом: дом находился буквально в ЯМЕ...

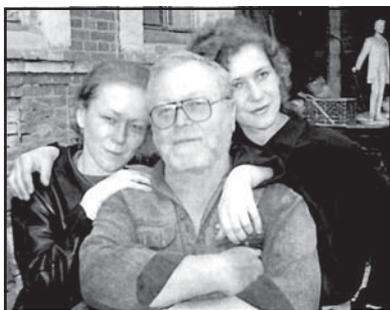
Это жильё «в яме» описано Осипом Мандельштамом ещё в одном стихотворении, сочиненном тогда же, в апреле 1935 года:

*Я живу на важных огородах,
Ванька-ключник мог бы здесь гулять.
Ветер служит даром на заводах,
И далёко убегают гать.*

*Чернопахотная ночь степных закраин
В мелкобисерных изыбля облаках.
За стеной обиженный хозяин
Ходит, бродит в русских сапогах.*

Дом «в яме» на улице Линейной,
где проживали супруги Мандельштам в Воронеже,
(фото жителя г.Воронежа Н.М.Солдатова, 2001
год, специально для «Вашингтонского музея русской
поэзии и музыки», при содействии И.Подрабинника).

Скульптор Валерий Ненаживин
с дочерьми-художницами (Владивосток).

Памятник Осипу Мандельштаму
на территории филологического
факультета Владивостокского
университета, работа владивостокского
скульптора Валерия Ненаживина
(фото Юрия Волкогонова, 2004
год, специально для «Вашингтонского
музея русской поэзии и музыки»).

Мемориальная доска Осипу Мандельштаму
в Воронеже на доме № 13 по улице Энгельса
(фото жителя Воронежа Н.М.Солдатова, 2001 год,
специально для «Вашингтонского музея русской поэзии и
музыки», при содействии И.Подрабинника).

*И богато искривилась половица —
Этой палубы гробовая доска —
У чужих людей мне плохо спится
И своя-то жизнь мне не своя.*

Как хорошо было бы переименовать, хотя бы эту бывшую Линеиную улицу, — в Мандельштамовскую. Эх-ма!***

2001 г.

* Когда этот злополучный памятник отлили уже из чугуна, антисемитская «управа» и тут постаралась: его стали заливать белой краской. Откуда столько злобы? Это же — полное отсутствие чувства прекрасного. Полное бездушие и непомерная глупость... Теперь, по предложению студентов, памятник перенесли в охраняемую и ограждённую зону Владивостокского университета. В Вашингтонский музей недавно поступили фотографии памятника на этом месте (дарение бывшего хранителя «Музея современного русского искусства» в Нью-Йорке Юрия Волкогонова). Они дополнили материалы по разделу музея «Памятник Осипу Мандельштаму во Владивостоке», в которых содержатся подаренные скульптором Валерием Ненаживиным фотографии первого варианта памятника и скульптурного портрета поэта, а также подлинный карандашный рисунок его головы в профиль. Всё это, по моему мнению, — гениальные работы и, прежде всего, — сам ПАМЯТНИК.

** На этом доме в 1990 году была установлена мемориальная доска, которую в 1991 году залили кислотой, а позже на ней появилась надпись: «Жид. Вон».

*** Я верю, что улица имени Мандельштама всё же появится не только во Владивостоке, но и в Москве, Петербурге, Воронеже, Чердыни, Феодосии, Ереване, Тбилиси. Это когда-нибудь произойдёт. И прежде всего, — во Владивостоке. Здесь живут достойные, добропорядочные люди с благородной душой, которые не раз уже помогали владивостокскому скульптору Валерию Ненаживину в его работе. Со временем таких людей станет больше. И будет здесь улица Мандельштама. А на улице, где сейчас расположена мастерская скульптора Ненаживина, появится новая вывеска: «Улица Ненаживина». А пока что памятник Мандельштаму предполагается открыть в Москве в 2008 году. К сожалению, он очень напоминает эскиз головы поэта, который выполнил Ненаживин. Кстати, владивостокский скульптор вылепил свой памятник Осипу Мандельштаму в полный рост, не видя до этого ни одной его фотографии, а только прочитав сборник его стихов, привезённый друзьями из Парижа.

БЕРЕСТЯНАЯ КНИГА АХМАТОВОЙ**К 115-летию Анны Ахматовой (1889-1966)**

В 2000 году, 15 октября, в Нью-Йорке (точнее, в Джерси-Сити, что на левом берегу Гудзона, прямо напротив Манхэттена) отмечалось 20-летие «Музея современного русского искусства». Увидев объявление, я связался с одним из участников юбилея и, захватив с собой гитару и демонстрационные плакаты моего музея, двинулся из Вашингтона в Нью-Йорк в четыреста километровый путь (и, как будет видно дальше, был за это вознагражден)...

Вечер открыл хозяин «Музея современного русского искусства» поэт, писатель, издатель, диссидент, не избежавший советской тюрьмы, а ныне житель трёх стран — Америки, Франции и России — Александр Давидович Глезер. После осмотра новой экспозиции («Современные художники России и Украины») состоялся концерт в двух отделениях, где выступили, кроме хозяина музея, поэт Ирина Машинская, бывший редактор Тбилисского издательства «Мирани», поэт, учёный и общественный деятель Ушанги Рижинашвили и автор этой заметки. В те дни я как раз записал в Нью-Йорке, на студии местного русского телевидения, свою композицию «Цветаева и Пастернак» (режиссер Андрей Кузнецов), и поэтому в первом отделении пел Цветаеву, а во втором — Пастернака. И, конечно, показывал свои музейные плакаты, где, кроме этих двух поэтов, были представлены Мандельштам, Гумилев и Ахматова.

Во время своего выступления со стихами и воспоминаниями о том, как его КГБ достало и во Франции, Александр Глезер, глядя на портрет Анны Ахматовой, заметил, что в ГУЛАГе в 1937 году его родственница изготовила книжку стихов Анны Ахматовой из БЕРЕСТЫ. Он написал об этом, как он сказал, рассказ, а саму книжку подарил при встрече Ахматовой. Я, конечно, взмолился показать мне этот рассказ. Александр Давидович — человек очень занятой, живёт, как уже было отмечено, попеременно в трёх странах, в каждой из которых у него музей, галерея или издательство — не помнил точно, где, собственно, находится сейчас эта его публикация. Однако, обещал поискать. Он, конечно, не знал, что попал в поле зрения коллекционера и вообще человека чрезмерно целеустремлённого.

Более 2-х лет я время от времени звонил Глезеру в Джерси-Сити и в Москву и напоминал о себе. Он обещал продолжить поиск. Наконец, я мягко намекнул ему, что звоню в последний раз, так как мне неудобно больше его беспокоить. На моё счастье этот разговор произо-

шел весной, когда уже стало тепло, и он сумел спуститься в подвал своего американского музея и поискать там.

И вот я получаю из Джерси-Сити конверт с журналом «СТРЕЛЕЦ», № 12, декабрь 1984, Изд. «Третья волна». Главный редактор Александр Глезер, адрес редакции в США такой-то, во Франции такой-то.

Открываю на стр. 39 рубрику «ПАМЯТЬ», читаю: Александр Глезер «Двадцать минут с Анной Ахматовой».

Кстати Анна Андреевна узнала о берестяной книжце в ноябре 1965 года из уфимской газеты «Ленинец», где 14 августа 1965 г. была помещена соответствующая фотография. Под снимком — подпись: «Тираж этой книги – один экземпляр. И «отпечатана» она не на бумаге, а на берёзовой коре» (краткость этого текста обусловлена тогдашним запретом на упоминание о сталинских лагерях). Примерно в те же дни у Ахматовой брал интервью, о котором давно её просил, литературный критик и издатель Дмитрий Хренков. Нахожу в своём музейном архиве это интервью, которое он назвал «Тайны ремесла». Во время беседы Анна Андреевна показала ему башкирскую газету, где, по его словам, была «напечатана удивительная фотография: на бересте нацарапаны знакомые стихи Ахматовой». 31 декабря того же года А.Ахматова отметила в своей записной книжке: «Издание на берёзовой коре (Уфа, «Комсомольская газета»)», а ещё в ноябре здесь же, предположительно рукой внучки Н.Н.Пунина А.Г.Каминской, вписано:

«В библиографию

Хренков Дмитрий Терентьевич: «Тайны ремесла».

23 ноября 1965 г.»

Фотографию берестяной книжки со стихами Анны Ахматовой опубликовал в Уфе как раз Александр Глезер.

В журнале «Стрелец» он пишет:

«Летом 1965 года я приехал в Уфу к родителям и случайно обнаружил эту книжцу в маминых бумагах на дне какого-то ящика.

«Что это?» — спросил я у мамы. И она рассказала мне о том, как её сестра (жена расстрелянного «врага народа») попала в 1937 году в лагерь, и как она через несколько месяцев каким-то чудом переправила сестре в Баку эту книжцу на шести страницах бересты, связанных грубой верёвкой. По этой необычной весточке мама моя узнала, что сестра жива, не сошла с ума, сохранила рассудок и память в сталинской мясорубке.

Когда она возвратилась из лагеря, то рассказала мне, что именно

поэзия Ахматовой помогла ей выжить, что она постоянно твердила про себя её стихи и даже сделала эту «самиздатовскую книжицу». Помню, что открывалась она стихотворением «Сероглазый король».

Вернувшись в Москву через два месяца, Александр Давидович показал газету в Москве сотруднице журнала «Знамя» Галине Корниловой, а та передала её Ахматовой, с которой была хорошо знакома. В «Записных книжках» Анны Андреевны есть, например, такая фраза: «Сегодня... у меня были Надя Мандельштам и Галя Корнилова. Галя предлагает взять в «Знамя» «Решку» (для начала 1966 г.) и хочет печатать у них мою прозу».

А. Ахматова попросила показать ей эту книжицу в оригинале, и Галина Корнилова договорилась о встрече.

«И в тот же день, — продолжает Глезер в своей статье, — я поднимался по лестнице старого московского дома. Конечно, очень нервничал и не очень представлял себе, что и как ей скажу. Но всё получилось крайне просто. Дверь мне открыла какая-то женщина и провела в комнату, где седая величественная, как я воспринял, Анна Ахматова сидела в кресле.

«Садитесь», — пригласила меня она. Прежде чем сесть, я положил перед ней книжицу, которую Анна Андреевна сразу же просмотрела и, улыбнувшись, сказала: «Это очень старые стихи. Галя Корнилова мне уже всё рассказала, но, может быть, вы расскажете подробнее». И после моего рассказа: «Вы хотите мне это подарить, она держала книжку в руке. — Не жалко?» — «Нет, — покачал я головой. — Это должно быть у вас».

В ответ Анна Андреевна подарила Александру Давидовичу свою только что вышедшую книгу «Бег времени» с автографом и авторскими поправками. Эта книга пропала потом из его квартиры, когда он сидел в ленинградской тюрьме за организацию 15 сентября 1974 года «бульдозерной» выставки, за несанкционированные пресс-конференции для иностранцев, за домашний музей неофициального русского искусства. Но это уже другая история...

Если вернуться к временам сталинского ГУЛАГА, где родилась берестяная книжка Ахматовой, то надо заметить, что многие репрессированные интеллигенты выжили в тяжелейших, по существу рабских, условиях во многом благодаря тому, что они вспоминали любимые стихи, писали свои стихи и прозу, рисовали картины — не поддались моральному и физическому гнёту сталинщины, не пали духом. У меня в «Вашингтонском музее русской поэзии и музыки» есть самиздатовская книжица, тоненькая, в четверть листа, которая называет-

ся «Колымский этап». Поэты – узники ГУЛАГа. Назову несколько авторов, чьи стихи в ней помещены: Юрий Домбровский, Евгения Гинзбург, Варлам Шаламов, Елена Тагер, Анатолий Жигулин...

Анне Ахматовой довелось пережить большевистский гнёт вне лагеря. На неё оказывали давление четырёхкратным арестом сына Льва Гумилёва и двукратным – мужа Николая Пунина. И не только этим. Чего стоит постановление коммунистического ЦК 1946 года после семи триумфальных её выступлений в Москве. А нужда и голод, на которые она была обречена режимом. Опять же в Ахматовских «Записных книжках» есть такая запись за 1965 год (запись почему-то в скобках. – Ю.З.):

«(Перенесла [три] четыре клинических голода:

I – 1918-1921,

II – 1928-1932 (карточки, недоедание),

III – война, в Ташкенте,

IV – после постановления ЦК 1946 г.)»

В цикле «Из заветной тетради» можно прочесть ахматовские строки 1960 года:

...Я не искала прибыли

И славы не ждала,

Я под крылом у гибели

Все тридцать лет жила.

Всё же её очень взволновала история с берестяной книжицей. Она вообще собирала в отдельную папку все отзывы о своём творчестве.

Где сейчас находится берестяная книжка, и какие стихи, кроме «Сероглазого короля», туда вошли?

Листаю разные издания сочинений Ахматовой, воспоминаний о ней и обнаруживаю упоминание о том, что на фотографии, которую опубликовал А. Глезер в Уфе, было видно стихотворение «После ветра и мороза было...». Нахожу ещё одну фотографию берестяной книжки, под которой подпись: «Стихи Ахматовой, нацарапанные кем-то из заключённых на бересте. 1937». На фото виден текст стихотворения «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» и прошитая веревкой березовая кора. Итак, три стихотворения узнаны, а каковы ещё три. Звону в Москву вдове известного коллекционера Марка Баженова («Всё об Анне Ахматовой») Ирине Николаевне и получаю рекомендацию: «Звоните в Петербург, в Фонтанный Дом: наверное, книжка там». И точно — берестяная книжка оказалась у них. В этом знаменитом

Ахматовском музее мне любезно назвали все шесть стихотворений, помещённых в ней.*

Оказывается, в книжке 8 листов (первый и последний не заполнены, как бы титульные). Стихи нацарапаны на листах, естественно, только с одной стороны и расположены в следующем порядке:

1. «Звенела музыка в саду...» (1913, первая публикация без названия, позже – под названием «Вечером»).
2. «Сероглазый король» («Слава тебе, безысходная боль!...», 1910).
3. «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» (1917).
4. «Сжала руки под тёмной вуалью...» (1911).
5. «Песня последней встречи» («Так беспомощно грудь холодела...», 1911).
6. «После ветра и мороза было...» (1914).

Второе, четвёртое и пятое стихотворения берестяной книжки входили в первую книгу Анны Ахматовой «Вечер» (1912, Изд. «Цех поэтов», 46 стихотворений). Первое и последнее – в самую её знаменитую книжку «Чётки» (первое издание 1914, СПб, 55 стихотворений в четырёх разделах; до 1923 года книга переиздавалась восемь раз). Третье стихотворение из «Белой стаи» (1917, Изд. «Гиперборей», 83 стихотворения и поэма).

В берестяной книжке есть отдельные неточности: ведь стихи записывались по памяти в нечеловеческих условиях. Безусловно, что «издатель» этой книги – большая любительница и знаток раннего творчества Ахматовой.

Об этой берестяной реликвии писала и Лидия Чуковская:

«Светлое это чудо привёз ей кто-то из лагеря... Чудо Анна Андреевна положила мне в раскрытые ладони, а я не то что перелистывать, я дохнуть не смела – но она и не дала, вынула мгновенно у меня из рук и положила в особую коробочку, устланную ватой.

– Отдам в Пушкинский Дом, – заявила она.

Да. Эти листки берёзовой коры почётнее Оксфордской мантии. И Нобелевской премии. И любой награды в мире».

Подарил «светлое это чудо» Анне Андреевне Ахматовой за несколько месяцев до её кончины — Александр Глезер. Он и есть этот «кто-то».

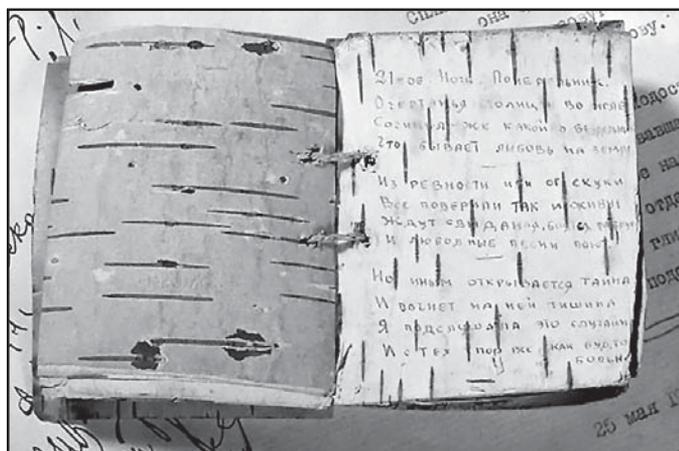
Я позвонил ему в Москву из Вашингтона и спросил: «Как же зовут главных героев этой истории — нигде же их имена не названы?».

С трепетом сообщаю, что «кем-то из заключённых», кто нацарапал на бересте стихи Анны Ахматовой и «переплёл» с помощью верёвки восемь берестяных листов в книжицу, была его родная тётя Дора Самойловна Гусман, «жена расстрелянного «врага народа»». А

БЕРЕСТЯНАЯ КНИГА АХМАТОВОЙ

Анна Ахматова (1965 год).

**Берестяная книжка со стихами А.Ахматовой.
Изготовлена Анной Самойловной Гусман в лагере.
1937 год, 6 стр., тираж 1 экз.**

*Портрет Анны Ахматовой работы Герты Неменовой
(1965 год, Комарово).*

*А.Д.Глезер, родной племянник
Анны Самойловны Гусман,
подаривший в 1965 году
Берестяную книжку
Анне Андреевне Ахматовой.*

хранила это сокровище с 1937 года по 1965 год его мама — Анна Самойловна Глезер.

Огромная им всем благодарность и признательность.

Теперь приведём тексты шести стихотворений Анны Ахматовой в том порядке, как они помещены в берестяной книжке.

ВЕЧЕРОМ

*Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы вольду.*

*Он мне сказал: «Я верный друг!»
И моего коснулся платья.
Как не похожи на объятья
Прикосновенья этих рук.*

*Так глядят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных...
Лишь смех в глазах его спокойных
Под лёгким золотом ресниц.*

*А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса —
Ты первый раз одна с любимым».*

— — —

СЕРОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ

*Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.*

*Вечер осенний был душен и ал,
мой, вернувшись, спокойно сказал:*

*«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.*

*Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».*

*Трубку свою на камине нашёл
И на работу ночную пошёл.*

*Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки её погляжу.*

*А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»*

— — —

*Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.*

*И от лени или со скуки
Все поверили, так и живут:
Ждут свиданий, боятся разлуки
И любовные песни поют.*

*Но иным открываются тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор всё как будто больна.*

— — —

*Сжала руки под тёмной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.*

*Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбегала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.*

*Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Всё, что было. Уйдёшь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».*

— — —

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ

*Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.*

*Показалось, что много ступеней,
А я знала – их только три!
Между клёнов шепот осенний
Попросил: «Смною умри!»*

*Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый!
И я тоже умру с тобой...»*

*Это песня последней встречи.
Я взглянула на тёмный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-жёлтым огнём.*

— — —

*После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня.
Там за сердцем я не уследила,
И его украли у меня.*

*Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз,
А в груди моей уже не слышно
Трепетания стрекоз.*

*Ах, не трудно угадать мне вора,
Я его узнала по глазам.
Только страшно так, что скоро, скоро
Он вернёт свою добычу сам.*

В воскресенье 22 июня 2003 года, накануне Дня рождения поэта, в Вашингтоне у Ахматовского дерева на «Аллее русских поэтов» я рассказал об этом уникальном издании её стихов, и мы поочередно прочли все шесть стихотворений. Причем, двое из читавших – коренные американцы.**

2004 г.

* В Вашингтонский музей из Санкт-Петербурга поступил 1-го июня 2006 г. отзыв на этот материал от директора музея Анны Ахматовой «Фонтанный Дом» Нины Ивановны Поповой:

«Уважаемый господин Зыслин!

Два дня назад мне передали Ваше письмо и текст статьи «Берестяная книга Ахматовой». Благодарю Вас за публикацию: удивительный случай – сочетание документальной и текстологической точности, исторического контекста и непосредственного живого и глубоко поэтического чувства. Это очень важный комментарий, необходимый нам как в экскурсионном рассказе, так и в научной атрибуции экспоната.

Всегда будем рады Вам помочь...».

** Корреспондентка «Голоса Америки» Нана Гонгадзе сняла десятиминутный видеofilm об этом событии. Фильм был отправлен в Россию, а также в течение недели транслировался по Интернету.

НА ЛОВЦА И ЗВЕРЬ БЕЖИТ

Вашингтонские находки тифлисских друзей Гумилёва

К 115-летию Николая Гумилёва (1886-1921)

*Ты к дружбе с каждым
встречным не стремишь
И тайн не поверяй кому попало...*

Авиценна

*Всё время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.*

Борис Пастернак

*Жизнь, безусловно, — отличный учитель,
но уж слишком дорого берёт за свои уроки.*

Константин Кереселидзе

Однажды, будучи в гостях в доме математика Льва Сироты, я, от нечего делать, стал перебирать его книги из русской поэзии. Гумилёв был представлен здесь тбилисским изданием 1988 года, которое в то время отсутствовало в собрании моего музея русской поэзии и музыки (недавно в Нью-Йорке мне эту книгу подарил бывший главный редактор тбилисского издательства «Мерани» Ушанги Рижинашвили). Составитель книги — вдова первого биографа Н.С. Гумилёва Павла Николаевича Лукницкого (1901-1943). Свою работу он начал в 1924 году, когда учился в университете. Это был студенческий курсовой проект, тему которого благословили друзья поэта, известные переводчики поэзии и историки культуры М.Л. Лозинский и В.К. Шилейко. Со временем Лукницкий собрал огромный материал по Гумилёву (ему очень помогала Анна Ахматова), но опубликовать его было невозможно, так как поэт был запрещен, и даже за хранение его портрета люди подвергались аресту. Однако, в семье Лукницкого сохранили весь гумилёвский архив. Часть материалов этого архива Вера Константиновна Лукницкая включила в книгу, которую я держал в руках. Не спеша перелистывая книгу, обнаруживаю, что Николай Гумилёв, живя в 1900-1903 годах в Тифлисе (!) дружил с братьями Кереселидзе (!).

Эти два восклицательных знака требуют специального пояснения: в них заключена интрига данного повествования.

Сначала о Тифлисе. Как житель Царского Села и Петербурга попал в Тифлис?

В конце 19-го — начале 20-го веков в среде российской интеллигенции свирепствовал туберкулёз, или, как тогда говорили, — чахотка. Эта беда коснулась, например, семей Ахматовой, Цветаевой, Эфрон. Обнаружились симптомы этой болезни и у Дмитрия Гумилёва, старшего брата будущего поэта.

Врачи порекомендовали переехать на юг. Отец семейства, морской врач в отставке, выбрал Тифлис. Были проданы дом в Царском Селе и усадьба в Поповке. (По словам Ахматовой, Гумилёв вспоминал Поповку в таких строках: «Цветы, что я рвал ребёнком/ В зелёном драконьем болоте,/ Живые, на стебле тонком,/

О, где вы теперь цветёте?»).

В Тифлисе семья поселилась в 1900 году в доме Мирзоева в Сололаках, на Сергиевской улице.* Братья сначала поступили учиться во 2-ю Тифлисскую гимназию и очень скоро перешли в 1-ю, как самую лучшую в городе. Эта гимназия располагалась на Головинском проспекте, ныне проспект Руставели.*

Лукницкий пишет об этом времени: «В гимназии у Гумилёва появились за полгода друзья — братья Кереселидзе».

У нас в эрии Большого Вашингтона живёт очень милый человек Константин Кереселидзе, с которым мы несколько лет состоим в добрых отношениях. Он потомственный грузинский кинорежиссёр, Заслуженный деятель искусств, автор 62 фильмов (для меня особенно важно и то, что он снял на видеоплёнку одно из первых моих выступлений в Америке, а сегодня их более 400). Константин — известный в Грузии джазовый гитарист. Звоню ему по телефону, читаю эти слова Лукницкого о братьях Кереселидзе и спрашиваю, как это понимать? В ответ слышу: «Да это же мои дяди, Ванечка и Давид, родные братья моего отца! У меня есть их гимназические фотографии». Ещё и ещё раз звоню Котэ (так официально его звали в Грузии, так любовно его зовут здесь друзья), еду к нему, расспрашиваю, беру у него интервью и записываю его на плёнку, рассматриваю его семейный и творческий архивы... Моему удивлению и восхищению нет предела. Впору писать книгу под названием «Сага о Кереселидзе». Судите сами.

Прадед Иванэ Кереселидзе — зачинатель грузинского театра и журналистики, друг трёх знаменитых Александров — Грибоедова, Дюма-отца и Чавчавадзе (в Тбилиси есть даже улица им. Кереселидзе). Прабабка Нино Узнадзе — первая грузинская актриса. Дед Георгий —

штабс-генерал российской армии, отец троих сыновей и двух дочерей. Старшие его сыновья — Иванэ и Давид — учились в 1-й Тифлисской мужской гимназии одновременно с братьями Гумилёвыми (кстати, будущий генерал тоже окончил эту гимназию, а его отец, знаменитый Иванэ Кереселидзе, преподавал в ней русский язык и литературу, переводил на грузинский язык Пушкина и Лермонтова; здесь учился и младший его внук Георгий, отец Котэ, известный грузинский режиссёр, Заслуженный деятель искусств). Старший сын генерала Георгия Кереселидзе — Иванэ, друг Коли Гумилёва, погиб, как и поэт, от рук большевиков в 1921 году. Он был кадетом российской армии и вместе с товарищами оказал сопротивление 11-й армии Орджоникидзе. Кадеты были расстреляны в г.Гори прямо в товарном вагоне. Давид, тоже кадет, как-то спасся тогда. В 1937 г. его всё же арестовали, однако, быстро выпустили (такое тоже бывало). Позже он погиб в автомобильной катастрофе. Сестре Екатерине не удалось избежать сталинской мясорубки. При возвращении из лагеря, встречающие на вокзале родственники и друзья не узнали её и едва не прошли мимо когда-то цветущей обаятельной женщины — так она изменилась за 15 каторжных лет. Вообще семья Кереселидзе подверглась гонениям: у них был отобран дом предков, забрано имущество, о предках нельзя было даже вспоминать вслух; в семье никогда не говорили и о дружбе братьев Кереселидзе с Гумилёвым — это было небезопасно. Котэ узнал от отца об этом уже в зрелом возрасте. Теперь же об основателе династии Иванэ Кереселидзе написаны книги, есть специальная экспозиция в Литературном музее Грузии, а его правнук Котэ сделал о нем в 1990 году документальный фильм, копию которого вместе со многими другими материалами он подарил «Вашингтонскому музею русской поэзии и музыки».

По Лукницкому, Николай Гумилёв в Тифлисе, кроме братьев Кереселидзе, «дружил с гимназистами — Борцовым, Борисом и Георгием Легранами, Крамелашвили, Глубоковским (художником)». Об этих дружбах Гумилёва известно мало. Разве что о том, что Коля однажды жил у Борцова, а Борис Легран увлекался политикой и даже давал читать своему другу «Капитал» Карла Маркса (позже Легран был послом РСФСР в Республике Грузия, опекал и подкармливал Осипа Мандельштама в бытность его пребывания в Тифлисе; здесь же Легран в сентябре 1921 года сообщил Мандельштаму о расстреле Гумилёва 25 августа этого года). Однако приобщить Гумилёва к политике не удалось. Политика была и оставалась чужда ему. По словам Ахматовой, он совсем не разбирался в политике. Его стихией была поэзия. Может

быть, по этой причине учился он неважно: не раз оставался на второй год и получал переэкзаменовки. Да и окончил он гимназию чуть ли не в 20 лет уже в Царском Селе. Широко известен образ Гумилёва, гимназиста-старшеклассника.

По его словам, стихи он начал писать с 12 лет, а в 16 лет состоялась первая публикация. Это произошло осенью 1902 года в газете «Тифлисский листок».* Коля очень гордился этой публикацией и, как вспоминала жена его брата, с восторгом сообщил об этом отцу, который не очень приветствовал его поэтические упражнения (кстати, отцы Ахматовой и Пастернака тоже не одобряли их начальных поэтических упражнений).

В Тифлисе Гумилёв, гимназист 4-6 классов, несколько раз без взаимности влюблялся, о чём писал горькие стихи. Их он записывал в девичьи альбомы.** Одно из его безответных увлечений – гимназистка Маша Маркс. Уезжая в 1903 году из Тифлиса, он подарил Маше рукописный альбом своих стихов. На первой странице альбома выписано его рукой стихотворение, опубликованное в «Тифлисском листке» — «Я в лес бежал из городов». Здесь же горькие стихи разочарованного влюблённого юноши. Например, на последней странице альбома он записал такое:

МММ.

*Я песни слагаю во славу твою
Затем, что тебя я безумно люблю,
Затем, что меня ты не любишь,
Я вечно страдаю и вечно грущу,
Но, друг мой прекрасный, тебе я прошу
За то, что меня ты не любишь...*

Об этом гумилёвском альбоме надо сказать отдельно. Здесь есть своя «история».

Примерно во время моего знакомства с семьей Кереселидзе я получил от моих московских друзей, супругов Васильевых («Глебов»), их публикацию в журнале «Грани»*** «История тифлисского альбома Николая Гумилёва» («на ловца и зверь бежит»). Глеб Казимирович Васильев, страстный любитель и знаток творчества Гумилёва, обнаружил у потомков Маши Маркс тот самый альбом и передал его от имени наследников в «Пушкинский Дом» (кстати, в издании «Мерани», которое упомянуто в начале статьи, есть ссылка на этот альбом). Недавно Васильевы прислали мне ксерокопию этого альбома и

*Дом Мирзоева в Тифлисе,
где проживала семья Гумилёвых
в 1901–1903 годах
(фото автора, июнь 2007 года).*

*Тбилисская гимназия №1
(фото автора,
июнь 2007 года).*

*Константин Георгиевич (Котэ)
Кереселидзе
(Вашингтон) даёт автору интервью
о своей родословной
(фото автора).*

Портрет Н.Гумилёва работы Руслана Крупышева, выполненный по фотографии 1900-х годов при содействии Б.М.Мансурова, Москва (из музейного архива автора).

Основатель рода Иванэ Кереселидзе, прадед Котэ Кереселидзе.

Фотография картины Екатерины Чавчавадзе, сестры вдовы А.Грибоедова Нино Чавчавадзе (из архива Котэ Кереселидзе, Вашингтон).

Братья Иванэ и Давид Кереселидзе, друзья Н.Гумилёва по тифлисской гимназии №1, родные дяди Котэ (из архива Котэ Кереселидзе, Вашингтон).

Стихотворение Н.Гумилёва

«Я в лес бежал из городов...»
в «Тифлисском листке», №211, 8 сентября
1902 года (справа, сверху, над словом
«ТЕЛЕГРАММЫ», Тбилиси, июнь 2007 года).

Фрагмент «Тифлисского листка», №211 от 8 сентября 1902 года (фото втора, Тбилиси, июнь 2007 года).

фотографии Марии Михайловны Маркс, т.е. М.М.М.. Она дожила до глубокой старости и, несмотря на бурную жизнь (участие в качестве врача в 1-й Мировой войне, страстное увлечение театром, огромную семью – три дочери), сохранила альбом и помнила Гумилёва. Её дед крупный тифлисский меценат много сделал для русского искусства в Грузии. Страстный театрал, он вложил все свои немалые средства в строительство в Тифлисе первого городского русского театра, собрал труппу, открыл первый сезон.

Усилиями таких людей, как Иванэ Кереселидзе и Михаил Маркс, Тифлис стал постепенно крупнейшим культурным центром Российской империи, притягивающим к себе актёров, художников, музыкантов, писателей, поэтов. Он остался таковым и впоследствии. ****

Увлекались здесь и поэзией: кружки, альманахи, рецензии, вечера поэзии. Осенью 1919 года в Тифлисской консерватории выступали Илья Эренбург и Осип Мандельштам. Последний тогда же выступил в тифлисском «Цехе поэтов» (некое подобие гумилёвского «Цеха» в Петрограде). Тифлисский «Цех» опекал Сергей Городецкий, один из деятелей нового течения в русской поэзии Серебряного века — акмеизма, у истоков которого стояли Ахматова, Гумилёв, и Мандельштам.

Недавно в музее произошла очередная удивительная встреча. На празднование 110-летия О.Мандельштама сюда пришла бывшая жительница Владивостока Ирина Смоляр. Из окна её владивостокской квартиры было видно место расположения лагеря у Второй речки, где погиб О.Мандельштам. Она и её родители — страстные любители Гумилёва. У них неплохое собрание книг и иллюстраций, которые были предоставлены в моё распоряжение. И среди них — полный Лукницкий, кишинёвское издание Гумилёва, где есть генеалогические изыскания побочного сына поэта — Ореста Высотского. Он, также, как его отец и брат (Лев Гумилёв), сидел в питерских «Крестах», сидел он и в других советских тюрьмах, о чём есть в музее соответствующие материалы, был реабилитирован и воевал, как и брат, в Отечественную войну. При обыске и изъятии у Смоляров во Владивостоке сочинений А.Солженицына офицеры КГБ «взяли почитать» и, конечно, не вернули четырёхтомник Гумилёва 1962 года (Вашингтон, Виктор Камкин, составители Г.Струве и Б.Филлипов; вдова последнего Евгения Жиглевич, живущая в Вашингтоне, могла бы, наверное, поведать много интересного об этом и других изданиях этих зарубежных деятелей русской культуры).

Так вот, в книге «Николай Гумилёв. Жизнь поэта по материалам до-

машного архива семьи Лукницких» сказано: «...Круг его интересов расширился: он увлёкся астрономией, стал брать уроки рисования, совершил массу прогулок в горы и на охоту, зачитывался Владимиром Соловьёвым, полюбил Некрасова, иногда посещал вечеринки с танцами...». Таким образом, жизнь в Тифлисе много дала Гумилёву. Здесь он ещё больше полюбил природу, горы, прогулки. Вот тифлиские стихи начинающего поэта, неровные, наивные, но искренние. Он их записал в тот же альбом для М.М.М. :

*Люблю я чудный горный вид,
Остроконечные вершины,
Где лишний шаг грозит
Несвоевременной кончиной.*

Гумилев с детства любил риск и опасности. Не убоился кавказской крутизны, африканских львов, стрел и пуль, а также немецких шрапнелей 1-ой мировой войны (прапорщик Гумилёв имел за храбрость два солдатских Георгиевских креста), а погиб он в 35 лет от несправедливой большевистской пули, как и миллионы его соотечественников, правда, на 10-15-20 лет раньше их. И могилы-то у него, как и у его друга Мандельштама, нет, а есть только предполагаемое место захоронения.***** Он предвидел такой исход своей «несвоевременной кончины»:

*Не в наследственной берлоге,
Не среди отческих могил,
На большой мне, зная, дороге
Умереть Господь сулил.*

В «Вашингтонском музее русской поэзии и музыки» достойно представлен замечательный поэт Серебряного века Николай Степанович Гумилёв.

В ноябре 2000 года племянник тифлисских друзей Гумилёва Котэ Кереселидзе снял в музее фильм-импровизацию, рабочее название которого — «Николай Гумилёв и Грузия». Спонсор фильма и участница съёмки Лали Конлан-Шиукашвили повезла его в Тбилиси...

2001 г.

*В июне 2007 году автор был приглашён в Грузию, как представитель США, на Фестиваль русской и грузинской поэзии, и посетил тбилисскую гимназию № 1, где учился Гумилёв, дом, где он жил, держал в руках и сфотографировал подлинный экземпляр газеты

«Тифлисский листок» с первой публикацией поэта.

***В свою очередь правозащитница, политик и журналистка Валерия Новодворская считает, что Гумилёв в Тифлисе вёл себя как «заправский Дон Жуан: напишет стихотворение и скажет 3–4 девушкам, что «это посвящено тебе»».*

****В январе 2008 г. в моём вашингтонском музее побывала гл. редактор журнала «Грани» Татьяна Жилкина.*

*****Во время упомянутого фестиваля поэзии удалось побывать во многих местах, связанных с Пушкиным, Лермонтовым, Грибоедовым, Пастернаком, Есениным, о чём надо бы написать отдельно.*

****** Поиски места захоронения Н.Гумилёва продолжались до самого последнего времени.*

АМЕРИКА И РУССКАЯ ПОЭЗИЯ

К закладке в Вашингтоне, D.C. «Аллеи русских поэтов»*

Америка немало сделала для изучения и популяризации русской литературы и, в частности, её Серебряного века. Этот период развития русской поэзии составляет основное содержание экспозиции и архива «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки». Мы будем говорить именно об этом. Но начать всё же надо с Пушкина. Дело в том, что в Америке несколько Пушкинских обществ, комитетов и альманахов (например, Pushkin Review, Indiana University), несколько памятников Пушкину, в том числе, в столице США. По словам историка-эмигранта из Нижнего Новгорода Исаака Левитаса (Вашингтон), в Америке где-то должны быть подлинные рукописи Пушкина, подаренные историком-архивистом и коллекционером проф. Михаилом Погодиным морякам американской эскадры во время их дружественного визита в Россию в XIX веке.

Практически все основные университеты Америки многие годы изучают творчество и биографии русских поэтов Серебряного века. Американскими славистами написано много монографий и диссертаций. Создано несколько специализированных архивов русской культуры, например, Бахметевский архив при Колумбийском университете, представленный в музее копиями 150-ти автографов Марины Цветаевой. Конечно, нужно упомянуть и об архивах Мандельштама в Принстонском университете, Пастернака в Стэнфорде и Цветаевой в Гумеровском институте. Широко известны имена американских учёных из числа русских эмигрантов и коренных американцев, специализирующихся на русской культуре и, в частности, на поэзии. Назову только некоторых исследователей, с которыми музей сотрудничает, и чьи работы представлены в музее: проф. из штата Вермонт С.Ельницкая, проф. Мичиганского университета О.Ронен, проф. Стенфордского университета Л.Флейшман, проф. Принстонского университета О.Хейсти, проф. Амхерст-колледжа Джейн Таубман и Вероника Швейцер, проф. Колумбийского университета Борис Гаспаров. На стенде новых поступлений можно увидеть книгу директора Библиотеки Конгресса Джеймса Х. Биллингтона «Лики России. Страдание, надежда и созидание в русской культуре».

Пять выдающихся русских поэтов, наиболее полно представленных в «Вашингтонском музее русской поэзии и музыки», – Пастернак, Цветаева, Мандельштам, Ахматова, Гумилёв – предмет особого внимания Америки. И это неслучайно. Именно на этих наиболее та-

лантливых и ярких поэтов обрушился особенно мощный идеологический и репрессивный молот коммунистов в России. По сфабрикованному делу Таганцева Николай Гумилёв был расстрелян ещё в 1921 году в возрасте 35 лет. Осип Мандельштам умер в концлагере в 1938 году, за две с половиной недели до своего 48-летия. В 1941 году, не дожив и до 50-ти лет, покончила с собой Марина Цветаева, муж, дочь и сестра которой находились по ложным обвинениям в заключении. За роман «Доктор Живаго» затравили Бориса Пастернака, и дважды арестовывали его последнюю музу Ольгу Ивинскую. А на Анну Ахматову многие годы воздействовали путём четырехкратного ареста единственного сына Льва Гумилёва, двукратного ареста её мужа — известного искусствоведа Н.Н.Пунина. А чего стоит специальное карающее постановление партийных властей 1946 года об Ахматовой.

Всех перечисленных поэтов в той или иной степени замалчивали в Советском Союзе, длительное время не печатали. Например, Гумилёва, начиная с 20-х годов XX века, не издавали примерно 60 лет, Мандельштама и Цветаеву — практически по 40 лет, Пастернака и Ахматову — время от времени. Еще до войны 1941 года любители поэзии вынуждены были делать свои рукотворные сборники, которые позже стали называть «Самиздатом». Я уже рассказывал о том, как родная тетя известного диссидента, поэта, издателя и галерейщика Александра Глезера, находясь в 1937 году в заключении, составила и изготовила книжку из бересты с шестью стихотворениями Ахматовой тиражом в 1 экземпляр и передала её на волю.

Все эти кары осуществлялись по идеологическим причинам, из-за невозможности подчинить поэтов ложной коммунистической догме и политике. А ведь главные признаки их поэтического творчества были далеки от политики. На научной конференции, посвященной 100-летию Марины Цветаевой в Институте Мировой Литературы (Москва, 1992 г.) кто-то из зала хорошо сказал: «Гумилёв — это романтика, Ахматова — гармония, Мандельштам — культура, Пастернак — природа, а вот Цветаева — это душа».

Что здесь преследовать? Советские коммунисты так и не покаялись перед творческой интеллигенцией. В 1991 году в Елабуге, 31 августа, в день, когда здесь 50 лет тому назад ушла из жизни Марина Цветаева, у меня возникли такие строки:

*...Не худо бы покаяться
Распластанной стране.
Довольно дурью маяться
В привычном полусне.*

*Тогда на сосны спустится
прозрачный ореол,
и дьявол улетучится,
и воспарит орёл.*

*Не слышно покаяния –
Какая-то возня...
И корчится в страданиях
Российская земля.*

Давайте посмотрим, как издавали этих поэтов в Америке, начиная с 40-х годов прошлого века. Пройдём вдоль полок и стеллажей музея, и познакомимся (конечно, не со всеми) американскими изданиями русских поэтов или перепечатками и ссылками на эти издания.

Вот полка толстого русского литературного журнала «Новый Журнал» (“The New Review”). Идея создания этого журнала в Нью-Йорке принадлежит Ивану Бунину, что осуществили в 1942 году два русских писателя-эмигранта первой волны — Марк Алданов и Михаилом Цетлин (поэтический псевдоним Амари). Обложка Мстислава Добужинского (последние годы главным редактором журнала является проф. Вадим Крейд, ** специалист по зарубежной русской поэзии, по творчеству и биографии Николая Гумилёва и Георгия Иванова). Уже больше 60-ти лет в журнале представлены поэты Серебряного века, причём, не только поэты, имена которых мы здесь постоянно упоминаем, но и Бунин — с первого же номера журнала, и Набоков, и Гиппиус, М. Волошин, Адамович, Мережковский, Тэффи, Ходасевич, Бальмонт и другие, в свое время практически запрещенные в СССР поэты и писатели. Как следует из статистики самых интересных, по мнению редакции журнала, публикаций (см. № 226, 2002), Гумилёв проходил в журнале в 1944 г., Цветаева – в 1959, 1967, 1974, 1976, 1978, 1990 гг., Пастернак – 1958, 1960, 1966, 1984, 1997 гг., Ахматова – 1966, 2001 гг.

Теперь посмотрим антологии.

Вот американская антология “The Heritage of Russian Verse”, составленная Дмитрием Оболенским. В этой антологии, которая с 1962 года выдержала три издания (последнее в 1976 г, “INDIANA UNIVERSITY PRESS, Bloomington, Памяти Бориса Пастернака), представлен 21 поэт Серебряного века, включая Пастернака, Цветаеву, Мандельштама, Ахматову и Гумилёва. И только к Александру Блоку советская власть благоволила в какой-то степени, остальные же замалчивались.

Обложка «Нового журнала/The New Review» (Нью-Йорк), выполненная М.Добужинским.

Внучатая племянница Марины Цветаевой Ольга Трухачёва (Москва) у заглавной пластины «Аллеи русской поэзии», Вашингтон, 20 февраля 2006 года (фото автора).

Посадка деревьев при закладке «Аллеи русских поэтов» (Вашингтон, DC, 28 апреля 2003 года, фото автора).

Презентация «Аллеи русской поэзии» (Вашингтон, DC, 28 апреля 2003 года, фото автора).

Окончательный вид «Аллеи русских поэтов» со стороны улицы Calvert Street (фото автора).

Мемориальная пластина у дерева А.С.Пушкина, первого в правом ряду «Аллеи русских поэтов» (фото автора).

Детский Пушкинский праздник у дерева А.С.Пушкина на «Аллее русских поэтов», 2005 год, Центр эстетического воспитания, г. Балтимор, директор Ирина Попова (фото автора).

Автор возлагает цветы на пластины у дерева Марины Цветаевой в левом ряду «Аллеи русских поэтов».

Барды г. Балтимора на «Аллее русских поэтов» (9 мая 2004 года, 80-летие Булата Окуджавы).

Племянница Осипа Мандельштама по линии его матери Ирина Савельевна Вербловская возлагает цветы на пластины у дерева поэта, своего родного дяди (фото автора).

Библиотека Русского музея в Сан-Франциско подарила нам два сборника Орегонского университета 1948-1949 годов — «Обзор русской культуры. Исторический очерк». Их автор, проф. В.А.Рязановский, говоря о русской литературе начала XX века, выделяет творчество Андрея Белого, Владимира Соловьёва, Вячеслава Иванова, Сергея Городецкого, Максимилиана Волошина, Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Николая Гумилёва, Игоря Северянина, Ивана Бунина.

Большие заслуги перед русской литературой у знаменитого нью-йоркского «Издательства имени Чехова». С трепетом беру в руки дарение К.Кереселидзе (Вашингтон) — «Избранные стихотворения» Анны Ахматовой (1952 год) и книгу: Марина Цветаева. «ПРОЗА» (1953 год) — дарение проф. М.Альтшуллера, Питтсбург. Издание книги цветаяевской прозы по государственному гранту организовала в этом издательстве (не без трудностей) Екатерина Исааковна Альтшуллер-Еленева — родственница дарителя и чешская подруга Цветаевой. Так впервые появилась собранная в книгу проза поэта. И это произошло не где-нибудь, а в Америке!

Упомянутое издательство не было единственным.

Первые серьёзные собрания сочинений тоже возникли в США: Цветаевой (в пяти томах и двухтомник прозы), четырёхтомники Мандельштама (1967 г.) и Гумилёва (1962 г.). И осуществили это русские эмигранты в Америке: Г.Струве, Б.Филиппов, В.Камкин, А.Сумеркин...

Все приведённые сведения, конечно, неполные. Публикаций значительно больше, если говорить вообще о русской поэзии XX века. Например, по данным монографии «Роспись книг поэзии Российского Зарубежья. 1917-2000» (автор — известный собиратель-исследователь и поэт Михаил Юпп, Филадельфия) в Америке за эти годы осуществлено 1040 (!) изданий стихов 369 (!) русских поэтов (в том числе, в 218 альманахах, песенниках, антологиях и сборниках). Только книги, касающиеся первой волны русской эмиграции (1917-1945 гг.), издавались в Нью-Йорке, Вашингтоне, Чикаго, Лос-Анжелесе, Сан-Франциско, Детройте.

Таким образом, закладка «Аллеи русских поэтов» в Вашингтоне — это не только дань памяти выдающимся творцам русской поэзии Серебряного века, но и признание заслуг Америки перед русской культурой.

Мне вспоминается такой характерный факт. В 1999 году в Библиотеке Конгресса был вечер «Твоё любимое стихотворение». Выступило 25 человек. К микрофону подошла молодая афро-американка Dawn Hannaham, окончившая один из университетов в Нью-Йорке, и прочла

с большим чувством по-русски и по-английски стихотворение Александра Блока «Улица, фонарь, аптека...». Это было прекрасно. Моё выступление после неё уже не было неожиданным. Я спел под гитару стихотворение Анны Ахматовой «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» («Бывает ли любовь на земле»), которое было выслушано с пониманием...

Анна Ахматова много раз отмечала, что Николай Гумилёв заслуживает самого внимательного прочтения и изучения.

Марина Цветаева дружила в своё время с Мандельштамом и Пастернаком, посвятила Ахматовой несколько стихотворений и высоко чтит творчество Гумилёва.

Гумилёв был первым мужем Ахматовой, дружил с Мандельштамом, написал две рецензии на книги стихов Цветаевой.

Ахматова в 1961 г., за 5 лет до смерти, в стихотворении «Комаровские наброски» («Нас четверо», из цикла «Венок мёртвым») вспоминала своих друзей-поэтов Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама, а заодно и свою современницу Марину Цветаеву, о которой примерно тогда же сказала: «Нынче царствует Марина!».

Приведу две строфы из этого стихотворения:

*...Все мы немного у жизни в гостях,
Жить – это только привычка.
Слышится мне на воздушных путях
Двух голосов перекличка.*

*Двух? А ещё у восточной стены,
В зарослях крепкой малины,
Тёмная свежая ветвь бузины...
Это – привет от Марины.*

Пусть же пять деревьев «Аллеи русских поэтов», посаженных в Вашингтоне рядом друг с другом* символизируют перекличку голосов пяти замечательных русских поэтов — Пастернака, Цветаевой, Мандельштама, Ахматовой, Гумилёва между собой и с нами, с нашими душами и сердцами...***

2003 г.

*Закладка в Вашингтоне «Аллеи русских поэтов» (инициатива «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки» при содействии Russia House и Guy Mason Center) состоялась 28 апреля 2003 года на территории The Guy Mason Park в северо-восточной части Вашингтона в районе Glover Park. Это недалеко от Главного Кафедрального Собора

Вашингтона и Обсерватории.

При закладке было посажено пять деревьев в честь Пастернака, Цветаевой, Мандельштама, Ахматовой и Гумилёва. Представители паркового хозяйства Вашингтона выбрали для посадки Стрельчатые грабы (*Columnar European Hornbeam* из семейства европейских берёз). Хозяин фирмы «Chesapeake MONUMENTS» Владимир Лейтуш (Балтимор) подарил музею для «Аллеи» пять светлых мраморных пластин к каждому дереву и одну общую с соответствующими текстами. На торжественной церемонии закладки «Аллеи», проведённой в ходе «Всемирного Форума Россия–Америка», выступили организатор этого Форума и спонсор закладки «Аллеи» Эдуард Лозанский, хранитель музея Юлий Зыслин, артистка театра и кино Марианна Сафонова (Санкт–Петербург), а также К.Яковлев, И.Смоляр, И.Шамбат, А.Левкина — молодые русскоговорящие американские переводчики поэзии Мандельштама, Ахматовой, Гумилёва на английский язык. Получены приветствия из России (Московский Дом–музей Марины Цветаевой) и из Канады (писатель Михаил Левитин).

Итак, закладка «Аллеи русских поэтов» — состоялась.

***Проф. Вадим Крейд был гл.редактором «Нового журнала» в 1994–2005 гг. Его сменила филолог Марина Адамович.*

****Весной 2004 года был посажен ещё один ряд деревьев, и теперь поэты, отмеченные своими деревьями в левом ряду, могут «общаться» со своими предшественниками: Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Фетом и Блоком, чьи деревья расположились как раз напротив, в правом ряду «Аллеи».*

Потихоньку возникает добрая традиция приносить сюда цветы...

РУССКИЕ КОМПОЗИТОРЫ — ИХ ПОМНИТ АМЕРИКА

К открытию в Вашингтоне «Мемориальной поляны русских композиторов» *

Кто самый любимый русский композитор в Америке? Конечно же, Чайковский. Многие американцы даже считают Петра Ильича американским композитором. Он в Америке дирижировал своими сочинениями, когда был приглашён на открытие знаменитого Карнеги Холла в Нью-Йорке. Его музыка почти ежедневно звучит в Америке по радио, особенно 4-я и 6-я симфонии и 1-ый концерт для фортепиано с оркестром. Любимым балетом американцев является «Щелкунчик». Американский пианист Ван Клиберн (Van Klibern) стал в 1958 году в Москве победителем Первого международного конкурса им. П.И. Чайковского. Музыка композитора (прежде всего её лиризм) оказалась очень близкой молодому тогда пианисту по его манере игры. Праздник независимости США неизменно сопровождается исполнением увертюры «1812 год».

Чайковский, также как Мусоргский, Бородин и Римский-Корсаков, музыка которых тоже, конечно, звучит в Америке, — это всё же XIX век. В XX же веке русская музыка заняла в Америке особое место. Сюда переехали из России через Европу Сергей Рахманинов и Игорь Стравинский, Артур Лурье и Александр Гречанинов. Все они прожили здесь много лет и закончили в Америке свои дни. Наибольший успех имели Рахманинов и Стравинский, которых не обошла мировая слава. Совсем разных по стилю и мировоззрению, их всё же объединяет характерная русскость их музыки: у Рахманинова — традиционная, лирическая, исповедальная, у Стравинского — холодновато-импрессионистская, изобразительная.

Музыка Дмитрия Шостаковича и Сергея Прокофьева, композиторов последующего поколения, двух ярких новаторов, чей жизненный путь завершился в России, немало звучит в Америке. У себя на родине эти композиторы подвергались жесткому идеологическому давлению и всяческим проработкам, поучающих их как надо, по мнению партийных властей, писать музыку.

В 2006 году, к 100-летию со дня рождения композитора, произведения Шостаковича звучали в Америке особенно много и широко. Композитор-летописец, философ, преимущественно симфонист-драматург, Шостакович отразил в своём творчестве трагедию России в XX веке и сообщил об этом всему миру. Первое исполнение ряда его мно-

гочисленных сочинений (в частности, 1-ой и 7-ой симфоний) состоялось именно в Америке.

Симфонии, концерты, сонаты, оперы и балеты Сергея Прокофьева обладают большим, легко узнаваемым своеобразием. Прокофьев успел завоевать мир, живя одно время на Западе и, в частности, в Америке. В СССР он вернулся в 1932 году.

На поляне русских композиторов посажено 5 деревьев (спонсор — Президент Американского университета в Москве Эдуард Лозанский, Вашингтон), а на специальном мраморном монументе (изготовление и установка Chesapeake MONUMENTS, Балтимор; спонсоры — финансисты Борис и Наталия Фоксман, Гейзерсбург) написаны по-английски имена пяти русских композиторов. Но это дань уважения и памяти всей русской музыке, всей высокой русской культуре.

Вот эти пять имён:

<i>Piotr Ilyich Tchaikovsky</i>	1840-1893
<i>Sergei Rachmaninoff</i>	1873-1943
<i>Igor Stravinsky</i>	1882-1971
<i>Dmitri Shostakovich</i>	1906-1975
<i>Sergei Prokofiev</i>	1891-1953

Если Чайковский и Рахманинов — ярчайшие мелодисты и лирики, продолжатели Михаила Глинки, то Стравинский, Шостакович и Прокофьев — условно говоря, реформаторы традиционного музыкального языка.

Все пятеро — музыкальные гиганты. Они, безусловно, составляют достояние мировой культуры. Их музыка многократно исполняется в концертных программах различных городов США и других стран по всему миру.

Вашингтонская «Поляна русских композиторов» непосредственно соседствует с «Аллеей русских поэтов», что расположена в The Guy Mason Park, Washington DC, 3600 Calvert Street . И это не случайно. Музыка и поэзия очень близки. Музыка бывает поэтичной, а поэзия музыкальной. Это две родные сестры искусства. Говорят и так: «В сущности, музыка и поэзия — одно и то же» (Новалис, поэт и философ). Действительно, и то и другое имеет интонацию, ритм, темп, кульминацию. Поэзия и музыка могут затронуть самые тонкие струны человеческой души. Есть поэты музыки (Чайковский, Рахманинов) и есть композиторы языка (Пастернак, Цветаева). Поэт и прозаик Андрей Белый называл некоторые свои литературные сочинения «симфониями». Стихи могут стать песней. Это мечта многих поэтов, даже вели-

ких. Когда-то поэтов называли певцами. Музыка может стать портретом стихотворения или просто его сопровождать, а стихотворение может раствориться в музыке. И всё-таки есть одно очень важное отличие музыки и поэзии. Музыка любого характера, особенно так называемая серьёзная музыка (а мы говорим как раз о ней) – всегда интернациональна и воспринимается в первозданном виде (конечно, в интерпретации исполнителя). Стихи же надо переводить с языка оригинала на язык воспринимающего. А это уже всегда искажение оригинала. Удачный перевод – это новое произведение искусства.

Русские композиторы много работали над вокальными сочинениями и создали немало шедевров. И при этом их не раз вдохновляли стихи русских поэтов, отмеченных на «Аллее русских поэтов» в Вашингтоне.

Например, Рахманинов написал 80 романсов, в том числе, на стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Блока. Эти поэты представлены в правом ряду «Аллеи». Первая опера Сергея Рахманинова написана на сюжет пушкинского «Алеко», а симфония-фантазия «Утёс» создавалась под впечатлением одноименного стихотворения Лермонтова.

П.И.Чайковский сочинил 103 романса на стихи русских поэтов, среди них — Пушкин, Тютчев, Фет. По произведениям Пушкина «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» написаны им известные во всём мире оперы.

У Стравинского есть опера-буфф «Мавра» (по Пушкину).

Не прошли мимо творчества Пушкина, конечно, Шостакович и Прокофьев. У Дмитрия Шостаковича есть также романс на стихи Лермонтова и большие вокальные циклы на стихи Александра Блока и Марины Цветаевой. Сергей Прокофьев общался в Париже с Цветаевой и написал вокальный цикл на стихи Ахматовой.

Русские поэты хорошо разбирались и любили музыку. Пастернак и Цветаева были неплохими пианистами. Пастернак изучал приёмы композиции, сочинил, в частности, две прелюдии и сонату под влиянием своего кумира Александра Скрябина. Он был известным в своё время и в своей среде фортепьянным импровизатором. Мандельштам от серьёзной музыки приходил в экстаз. У этих трёх поэтов матери были пианистками. Ахматова любила слушать музыку в записи. Многие поэты отразили в своём творчестве свою любовь к музыке и к отдельным композиторам. В музыкальном разделе «Вашингтонского музея русской поэзии музыки» (www.museum.zislin.com) содержится немало таких стихотворений.

Приведём в качестве примера небольшое, но очень эмоциональное

П.И. Чайковский

Д. Шостакович

С. Прокофьев

И. Стравинский

*Пять русских композиторов,
представленных на
мемориальной «Поляне»*

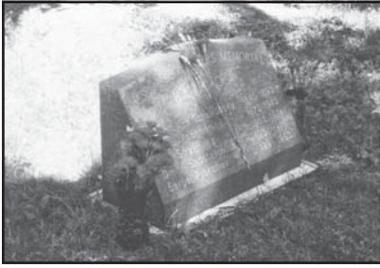

С. Рахманинов

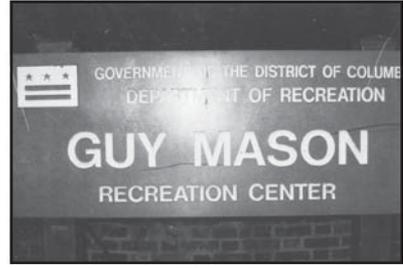

*«Поляна русских композиторов»,
располагающаяся между зданием
Гай Мейсон центра и улицей Calvert Street
(в правом нижнем углу — мемориальный
камень; сзади него, вдоль здания Центра —
«композиторские» деревья; улица Calvert
Street — слева, сзади ряда скамеек).*

Фото автора.

Лицевая сторона мемориального камня русским композиторам на их мемориальной «Поляне» (фото автора).

Доска-указатель Гай Мейсон центра и парка, на территории которых располагается русский мемориал (фото автора).

Открытие Презентации «Поляны русских композиторов» в здании Гай Мейсон центра, Вашингтон, 2006 год (фото М.Зыслина).

Столетие Дмитрия Шостоковича на «Аллее русских поэтов и композиторов». Вашингтон, DC, 25 сентября 2006 года. Иллюстрации (фото автора).

Юлий Зыслин проводит Презентацию «Поляны русских композиторов» (фото М.Зыслина).

Группа из городов Арлингтона и Роквилла. Столетие Дмитрия Шостоковича на «Аллее русских поэтов и композиторов». Вашингтон, DC, 25 сентября 2006 года (фото автора).

ахматовское стихотворение под названием «Музыка», посвящённое Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу:

*В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах её края гранятся.
Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.
Когда последний друг отвёл глаза,
Она была со мной в моей могиле
И пела, словно первая гроза
Иль будто все цветы заговорили.*

Таким образом, в Вашингтоне возник русский музыкально-поэтический мемориальный комплекс.** Теперь здесь есть место, куда при желании и при любом удобном случае или в соответствующие мемориальные дни можно придти и положить живые цветы не только русским поэтам на их «Аллее», но и русским композиторам на их «Поляне»...

Перед деревьями, посаженными в честь русских композиторов ещё до открытия «Поляны», вашингтонские власти установили полученную из Англии скамью со следующей надписью на металлической пластине:

A gift to the people of Washington D.C. in memory of the fallen of September 11th 2001. From the Littlewood and the Le Beau families of Sittingbourne. Kent, England.

Возложение живых цветов к этой скамье, естественно, является достойным и добрым делом, а её присутствие здесь делает весь мемориальный комплекс ещё более значимым.

2006 г.

* Открытие «Поляны русских композиторов» и презентация мемориального камня на ней состоялись в Вашингтоне в ходе «Всемирного Российского Форума 2006». Russia–USA» в среду 17 мая 2006 года по адресу: 3600 Calvert St., Guy Mason Center, Washington NW, DC 20007.

Поскольку «Аллея» и «Поляна» расположены вплотную друг к другу, часто это место называют теперь просто «Аллеей русских поэтов и композиторов**», что вполне логично.

ЮБИЛЕЙ «ВАШИНГТОНСКОГО МУЗЕЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ И МУЗЫКИ»

И НОВЫЙ МУЗЕЙНЫЙ ПРОЕКТ «АМЕРИКАНСКИЙ МУЗЕЙ – НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Десять лет назад, осенью 1997 года, сразу после 2-го Вашингтонского Цветаевского костра, в «Вашингтонский музей пяти русских поэтов Серебряного века» (так музей тогда назывался) пришла первая группа посетителей. Теперь музей называется «Вашингтонским музеем русской поэзии и музыки», хотя в нём представлены также и русские философы, и театр. Поэзия в музее пока всё же доминирует, так как русская культура насквозь поэтична.

После 10-ти лет существования музея кое-кто всё ещё задаёт такой странный вопрос: «А что это такое — музей поэзии? Как это понять и представить себе?». Конечно, эти вопросы возникают у тех, кто не побывал в музее. А те, кто решился на посещение музея, всегда испытывают чувства восторга, благодарности и душевного подъёма. Остаётся, правда, другой вопрос: «Как такое возможно в Америке?». Это вопрос законный. Я сам на него не могу ответить. Получилось всё как-то само собой. Просто, за 30 лет собралось множество материалов и коллекций по русской поэзии, музыке, философии, театру и захотелось, в соответствии с традициями нашей семьи, поделиться этими сокровищами с людьми.

О такого рода музее лучше всего высказалась бывший доцент Киевского университета, филолог и журналист Ирина Панченко (Филадельфия): «Мы привыкли посещать огромные музеи, обширные, как дворцы... В таких музеях чаще всего чинно, строго и... отчуждённо. При этом наши душевные струны остаются не затронутыми.

Домашние музеи обладают рядом несомненных преимуществ. Они невелики, уютно обжиты, на их многолетних собраниях лежит печать оригинальной личности коллекционера, им присуща своя собственная, неповторимая аура. Именно такой необычный музей есть в пригороде Вашингтона».

Наш музей, как систему тематических экспонатов и их демонстрации, высоко оценили руководители музея Фёдора Шаляпина в Москве, гости Вашингтона, Заглянув в книгу Александра Крейна, создателя государственного музея А.С.Пушкина в Москве, который открылся на ул.Пречистенка в 1961 году, можно понять, почему супруги Соколовы так среагировали на наш музей. Именно наличие определенной

системы, характерной для серьёзной музейной экспозиции, присуще и нашему музею. (А.З.Крейн. Жизнь в музее». – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2002. – 608 с.). Уже в аннотации и справке об авторе сказано нечто важное для нас сегодня, да и для нашего нового проекта тоже. Создание музея А.С.Пушкина началось с нуля, на пустом месте, с поисков и находок экспонатов, у нас же к открытию нашего сегодняшнего музея экспонаты были уже в наличии, и в последующем их число значительно увеличилось; кстати эти экспонаты могут стать основой нового музейного проекта. А.Крейн издал три книги о создании литературного музея А.С. Пушкина. В первой из них есть и такие слова: «...Музеи – на переднем крае культуры. Музейная профессия – труднейшее сочетание науки и искусства. ...Музеи обращены в современность, в будущее. Музеи занимают своё, ни с чем не сравнимое место в науке и в арсенале СРЕДСТВ ВОСПИТАНИЯ (выделено мною. – Ю.З.)...Музей – живой организм».

С удовольствием продолжаю цитировать А.Крейна, его третью книгу. Его слова мне очень близки, как будто я пишу сам о своём теперешнем музее и о его будущем :

«Музей – это здание, ...коллекции, экспозиция, научная и массовая деятельность...».

«Музей – сложный организм, продуманная многоплановая композиция..»

«Коллекции музеев имеют значение непреходящее, ценность их с течением времени не убывает, а возрастает».

«В исторических материалах, хранимых музеями нуждаются все, кто активно занимается современностью: политик, учёный, хозяйственник, творец искусства, педагог, учащийся (наверно, и журналист. – Ю.З.)».

«...Архивы... — для узкого круга специалистов. Музеи же – открытые сокровищницы, общедоступные храмы истории, науки, искусства».

Нельзя допускать «...непростительную ошибку...в создании музея скучного, непоэтичного, наукообразного, ...помпезного».

«Музей...должен вызвать... художественное переживание».

«Музей поэта (поэтов, поэзии вообще. – Ю.З.) ...должен учить чувствовать».

Музейщик должен владеть «искусством популяризации (именно искусством!)».

«...Музей хорошо сделает своё дело, если сумеет «заразить» посетителей интересом к Пушкину (или иному деятелю искусства, или

даже к культуре вообще, а к русской культуре, в частности), вызвать желание ещё более глубокого знакомства с ним – прежде всего с творчеством самого поэта, с литературой о нём» (подчеркнуто мной – Ю.З.).

Золотые слова! Запомним их.

Таков 40-летний музейный опыт большого специалиста музейного дела по созданию литературного музея. Мы полностью разделяем его взгляды и суждения. Мы бывали в этом музее и во многих других музеях, впитали их особенности и принципы и осуществили их в своём маленьком музее, не имеющем пока специального помещения, тем более здания, как это было у А.Крейна. Наш музей — очень ёмкий и плотно насыщенный экспонатами в области русской поэзии, музыки, философии, театра. Поэт из Нью-Йорка Александр Александрович Пушкин, прямой потомок великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, написал по этому поводу в книге отзывов музея 24 октября 2004 года следующую эпиграмму: «Страстью Юлия повеяно,/ /Мысль одна меня гнетёт./ /Человек живёт музеем, //Где же сам-то он живёт?».

С удовольствием вспоминаю случай, когда один мальчик 6-7 лет после посещения с мамой нашего музея устроил у себя дома СВОЙ музей, обклеив стены и двери разными важными ему картинками. Или русская девушка, выросшая в Америке, воскликнула: «Я никогда не думала, что это может быть так интересно». Всё это потому, что экскурсии по музею проходят живо, разнообразно, с учётом уровня и особенностей посетителей, с которыми мы предварительно беседуем. Это не лекции, которые часто бывают скучными.

Отмечая юбилей нашего музея, хотелось бы назвать хотя бы некоторую часть имеющихся в нём коллекций, входящих в активную экспозицию и способных по объёму и значимости заполнить экспозицию целого музейного здания.

Перед посетителями, входящими в музей, прежде всего, открывается панорама оригинальных портретов великих русских поэтов — Пушкина, Цветаевой, Пастернака, Гумилёва, Мандельштама, и два прижизненных портрета Ахматовой с её автографом на одном из них, что она делала только, когда портрет ей нравился. Все эти портреты подарены музею художниками или их друзьями. Здесь же, на стенах, в книгах и в альбомах, можно увидеть многочисленные репродукции и фотографии огромного числа русских поэтов.

Музей имеет коллекцию редких книг, касающихся названных выше

и других русских поэтов XIX и XX веков.

Среди них отметим двухтомник сочинений Михаила Лермонтова 1891 года издания, малоформатные книги стихотворений Гумилёва, Блока, Брюсова, Волошина, осуществленные в лагерях перемещённых лиц (Ди-Пи) в Германии в сороковые годы XX века, редкие книги 1909, 1919, 1921, 1922, 1924 годов, а также 30-х, 40-х, 50-х годов того же века.

Пушкиниана музея весьма обширна и разнообразна. Отдельно назовём бронзовую Пушкинскую медаль 1899 года и её гипсовую копию 1999 года, Пушкинскую открытку 1910 года, Пушкинский календарь 1937 года.

У нас имеются:

- коллекция антологий русской поэзии,
- коллекция мемуаров и воспоминаний о русских поэтах,
- коллекции литературоведческих работ, включая исследования
- коллекция биографий русских поэтов, американских и французских авторов, о русской поэзии (отдельно по Серебряному веку),
- коллекция справочной литературы, общих и тематических энциклопедий по русскому языку, музыке, литературе, зарубежной русской культуре.

Серебряный век русской культуры отражён в коллекциях авторских работ деятелей этой эпохи и последующих исследователей поэзии, музыки, живописи, театра, философии, истории культуры.

Музей гордится коллекцией подлинных личных вещей некоторых деятелей Серебряного века и соответствующими фотографиями, автографами и рукописями.

Обширные коллекции видео- и аудио-записей литературных фильмов, многочисленных поэтических, философских и культурологических сюжетов, голосов многих поэтов, читающих свои стихи.

Продолжим перечисление коллекций нашего музея:

- коллекция материалов о поэтических музеях России,
- коллекции поэтических значков, медалей, открыток, конвертов, плакатов, экслибрисов, мини-книжек, календарей,
- коллекции музыкальных и литературных грамм-записей, компакт-дисков русской поэзии и музыки, экспозиций русских музеев,
- уникальные коллекции, посвящённые пяти русским поэтам Серебряного века — Пастернаку, Цветаевой, Мандельштаму, Ахматовой, Гумилёву,
- собрания книг и других материалов, касающиеся больших групп русских поэтов XIX и XX веков,

- коллекция материалов международных поэтических симпозиумов и конференций,
- коллекция переводов русской поэзии на английский и другие языки,
- коллекция видео- и аудио-интервью по теме русской поэзии,
- коллекция изображений памятников русским поэтам,
- коллекции книг стихов русских поэтов Америки.

Кроме названных выше коллекций, музыкальное собрание музея содержит книги, статьи, ноты и разнообразные записи вокальных сочинений на стихи русских поэтов, включая архив российских бардов. Музей инициировал создание в Вашингтоне «Аллеи русских поэтов и композиторов», открытие русского отдела в новом здании публичной библиотеки в северном пригороде Вашингтона и проведение Всеамериканского фестиваля авторской песни на стихи Марины Цветаевой.

Таким образом, имеется в наличии более 30 коллекций.

За 10 лет музей посетили жители 30-ти городов из 20-ти штатов Америки и гости США из 32 городов 13 стран мира.

Надо сказать, что даже высококвалифицированные специалисты находят в нашем музее для себя много интересного и обнаруживают материалы, о которых не знали или которые давно разыскивали. А уж для широкой публики, особенно американской, в музее много интересного, необычного и поучительного, не только на русском, но и на английском языке. Ведь музейные коллекции призваны просвещать и облагораживать людей, в том числе и на прекрасных образцах великой русской культуры, в которой поэзия и музыка занимают особое место. Это такие жанры искусства, которые связаны с эмоциями и чувствами людей любых стран и национальностей. Они обладают огромной силой эстетического воздействия. Взаимопроникновение культур способствует сближению, взаимопониманию разных народов и, в частности, народов Америки и России.

На базе перечисленных коллекций нашего музея следовало бы создать **«Американский музей – научный центр русской культуры»**.

По-английски эта идея формулируется так:

American Museum and Research Center for Russian Culture

This project, aiming at improving American expertise and better knowledge about Russian Culture (Literature, Performing Arts, Philosophy), will be based at the beginning on Zislin's collection, the Washington Museum of Russian Poetry and Music

**Эмблема хранителей
«Вашингтонского музея русской
поэзии и музыки».**

Юлий и Светлана Зыслины на фоне вводной экспозиции музея (Пушкиниана и поэты XIX века, мемуары, литературоведение, антологии, справочная литература, раритеты, литературные записи, альбомы художников, театр).

**Портреты пяти выдающихся поэтов
Серебряного века**

(слева направо: Б.Пастернак, М.Цветаева,
О.Мандельштам, А.Ахматова, Н.Гумилёв).

Обложки книг о поэтах и их творчестве на английском языке (фрагмент раздела на иностранных языках).

Экспозиция Марины Цветаевой.

**ЮБИЛЕЙ «ВАШИНГТОНСКОГО МУЗЕЯ
РУССКОЙ ПОЭЗИИ И МУЗЫКИ»**

Архив Бориса Пастернака.

Стеллаж (длина 5 м) для расположения материалов о большой группе поэтов Серебряного и Бронзового веков.

Архив Анны Ахматовой и Николая Гумилёва.

Архив Осипа Мандельштама. Рядом художница Ольга Ненаживина, дочь автора скульптуры Мандельштама во Владивостоке...

**Архив Марины
Цветаевой и её семьи.**

**«...Человек живёт музеем.
Где же сам – то он живёт?»
(А.А.Пушкин).**

В этом же углу архивного помещения музея выставляются для осмотра личные вещи Анастасии Цветаевой (13 предметов), Михаила Гершензона (2 предмета и оттиски его дореволюционных статей) и альбом с копиями 151-го автографа писем и записок Марины Цветаевой.

**Американский поэт
Мартин Дикинсон
(фото С. Зыслиной).**

Посетители музея:

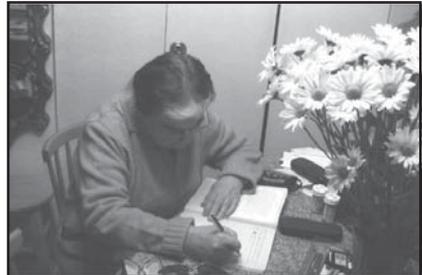
Дети русских школ и центров эстетического воспитания штата Мэриленд.

Внучатая племянница Марины Цветаевой Ольга Трухачёва, Москва (слева) с близкими родственниками подруги её бабушки Анастасии Цветаевой (Ольга Казакова и Леонид Рудаков, Вашингтон).

Пенсионеры.

Племянница Осипа Мандельштама Ирина Вербловская (Санкт-Петербург).

Студенты университетов Вашингтона.

Главный хранитель музея Сергея Дурдылина в Болшеве — Валентина Тейдер (Подмосковье).

Имеющихся коллекций по русской поэзии, музыке, философии и театру более чем достаточно для создания большой и разнообразной экспозиции, которую впоследствии можно и нужно будет развивать и расширять за счёт новых поступлений, новых идей, жанров и публикаций. Сегодня у «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки» имеются широкие творческие связи с литературными, поэтическими и музыкальными музеями России. Мы получаем новые экспонаты из разных стран мира и, прежде всего, из России. Русская культура неисчерпаема. Говорят, что она — одно из чудес света. Ныне её носители распространились по всему миру. В Америке есть несколько интереснейших разрозненных русских поэтических архивов. Одна из задач научного отдела нового музея — создать единый банк данных этих архивов. Есть коллекционеры, которые могли бы расширить экспозицию нового музея. Русская культура развивается, изменяется, и этот процесс требует обобщения. Нужна целевая пропаганда и популяризация русского искусства среди широкой американской публики. Делать это желательно, по возможности, вне политики, учитывая особенности русской культуры, её глубину, художественность.

«Американский музей — научный центр русской культуры» может стать ещё одной «визитной карточкой» столицы США.

В Америке есть двуязычные специалисты-гуманитарии, всевозможные фонды, глубокие меценатские традиции, ощущается интерес к великой русской культуре и русскому языку. Наверное, пора создавать комитет по организации такого музея. Необходимо подключение к этому новых сил. Это ведь очень интересный и важный проект, требующий участия опытных менеджеров и других специалистов.

Создание «Американского музея — научного центра русской культуры» станет проявлением доброй воли США в отношении России, тем более что эти две страны имеют дипломатические отношения на протяжении 200 лет.

Друзья, давайте сделаем доброе дело! Я готов передать свои коллекции в новый музей русской культуры и курировать их. Пожалуйста, присоединяйтесь к осуществлению этого проекта: время не ждёт!

С материалами «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки» можно ознакомиться непосредственно в музее. Дополнительная информация и порядок посещения музея представлены на веб сайте: www.museum.zislin.com

Теперь приведу пример живого и творческого интереса американцев к русской культуре. 23 августа 2007 г. в помещении Русского Культурного Центра при Посольстве Российской Федерации (Вашингтон, D.C.) состоялся музыкально-поэтический вечер автора книги. Вечер был приурочен к 10-летию «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки». В фойе на специальных стендах была размещена музейная выставка. Присутствовало более 50 человек. Я исполнил одну из своих авторских программ — «Русская поэзия в песнях и романах». Прозвучали стихи поэтов, представленных на «Аллее русских поэтов и композиторов» — Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Блока, Пастернака, Цветаевой, Мандельштама, Ахматовой, Гумилёва. Во фрагменте, посвящённом Осипу Мандельштаму, участвовал американский поэт и директор института экологии Мартин Дикинсон, живущий в Вашингтоне, недалеко от «Аллеи русских поэтов и композиторов». Наткнувшись однажды на эту «Аллею», он заинтересовался творчеством и судьбой Мандельштама и посвятил ему стихотворение. В русском переводе Юлия и Светланы Зыслиных оно звучит так:

**Мартин Дикинсон (Martin Dickinson)
(Вашингтон, D.C.)**

СМЕРТЬ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

27 декабря 1938 года

*Барак. Ты смотришь
на Владивостокские холмы, в пустоту. Декабрьский ветер
завывает снаружи.*

*И ты снова в «розвальнях,
уложенных соломой»,* кружишь по улицам Москвы.
Сани «ныряют в чёрные ухабы»,**

*или в Ленинграде
ты зреешься от скуки у костра, а в театре
согрет восторгами публики,*

*и возбуждённо бормочешь
в советской ночи молитву за себя
и молитву за Россию,*

или опять
ощущаешь прощальные объятия Ольги**
и её нежные, солёные губы.

И у тебя вспыхивают
твои стихи об этих событиях,
фраза за фразой.

Мир жесток и несправедлив.
За дверью слышится звук. Ты знаешь –
это твоя смерть.

2007 г.

* Слова в кавычках из стихотворения О.Мандельштама, посвящённого Марине Цветаевой.

** Имеется в виду актриса и художница Ольга Арбенина

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Дорогие Читатели!

Спасибо, если у вас хватило терпенья прочесть мои размышления. А если вам было интересно, — я счастлив.

Надеюсь, мы ещё пообщаемся. Для этого можно заглянуть на мой музейный веб сайт www.museum.zislin.com Не забудьте, пожалуйста, послушать диски моих песен, представленных на этом сайте.

В книгу, которую в держите в руках, вошли не все рассказы о моих встречах и находках. Материалов есть ещё на несколько небольших книг. Бог даст, они напишутся и издадутся.

В заключение искренне благодарю всех тех, кто помог издать мою первую прозаическую книгу и прежде всего редакцию и издательство газеты «Континент».

Низкий поклон спонсору данного издания, Президенту «Американского университета» в Москве, академику Эдуарду Лозанскому, который поддерживает уже не первый мой проект.

Особая благодарность главному хранителю музея Сергея Дурылина в Болшеве (Московская область) — В.Ф. Тейдер. Валентина Фёдоровна внимательно прочла рукопись и сделала необходимые поправки и внесла ценные предложения.

В письме к автору она написала, в частности, следующее:

«Мне кажется, книга получилась живой, увлекательной и даже поучительной, материал очень интересный и говорит сам за себя.

...Это подарок не только американским любителям поэзии, но и всем, кому дорога русская культура. А какой пример для музейщиков!

Думаю, что книга будет востребована не только в Штатах...».

И, наконец, хочу напомнить еще раз о новом музейном проекте.

Дорогие Читатели!

Давайте вместе сделаем благородное дело и создадим

«Американский музей – научный центр русской культуры».

Ещё одна очень важная благодарность. Спасибо моей жене, моим детям, внукам и племянникам, а также, конечно, всем моим друзьям и знакомым в США, России, Украине, Израиле, Канаде, Германии, Италии, Литве, Казахстане, Венгрии, Грузии и Франции, помогающим и сочувствующим мне во всех моих творческих делах и фантазиях.

Теперь всё. Успехов.

С уважением и добрыми пожеланиями

Автор (Юлий Зыслин).

2008 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Основные авторские программы автора.

Музыка и исполнение под гитару Юлия Зыслина

1. Я пою стихи 50-ти русских поэтов XIX-XX вв. от Пушкина до Бродского.
2. Марина Цветаева и ее друзья — поэты Волошин, Пастернак, Мандельштам.
3. Сестры Марина и Анастасия Цветаевы.
4. Борис Пастернак — поэт, композитор, человек.
5. Петербургские поэты: Анненский, Ахматова, Блок, Гумилев, Г. Иванов.
6. Осип Мандельштам и его друзья — поэты Цветаева, Ахматова, Гумилев.
7. Голоса поэтов, услышанные Максимилианом Волошиным — Цветаева, Ахматова, Анненский, Мандельштам, Гумилев.
8. Авторская композиция на стихи Николая Рубцова «Тихая моя Родина».
9. Песни и романсы на стихи автора из книг «Долги», «Штрихи» и «Блики».
10. Стихи, песни и романсы, написанные автором в Америке.
11. Посвящение Владимиру Высоцкому.
12. Детские песни на стихи Дриза, Сапгира, Орлова, Рубальской, Ламма, Заходера, Зыслина.
13. Эротические песни на стихи Цветаевой, Пастернака, Мандельштама, Брюсова, Бальмонта, Бунина, Северянина, Кузмина, Черного, Зыслина.
14. «Ах, Россия, Россия ...» на стихи Белого, Блока, Волошина, Гиппиус, Гумилева, Есенина, Рубцова, Тарковского, Жигулина, Красикова, Зыслина.
15. Женщины — русские поэты: Ахматова, Марина и Анастасия Цветаевы, Крандиевская-Толстая, Гиппиус, Ахмадулина, Мориц и другие.
16. Евреи — русские поэты: Пастернак, Мандельштам, Черный, Бродский, Самойлов, Левитанский, Слуцкий, Озеров, Коржавин, Губерман.
17. Анти-антисемитские песни на стихи Цветаевой, Гумилева, Ходасевича, Самойлова, Слуцкого, Окуджавы, Чичибабина, Плисецкого, Губермана, Гафта, Зыслина.
18. Песни, романсы, баллады на стихи русских поэтов Серебряного века — для души, ума и сердца.

19. Анна Ахматова и Марина Цветаева. Диалог, который был и не был.

20. Августовские песни — памяти Блока, Гумилева, Цветаевой, Волошина, Г.Иванова.

Песни и романсы на стихи 10 поэтов, представленных на «Аллее русских поэтов» в Вашингтоне, DC (от Пушкина до Пастернака и Гумилёва).

Духовные песни на стихи Лермонтова, Ахматовой, Гумилева, Гиппиус, Кузмина, Пастернака, Цветаевой, Заболоцкого, Левитанского, Бродского.

23. Голос Булата. Памяти Булата Окуджавы.

24. Экскурсия по музею русской поэзии и музыки (частному собранию) (<http://www.museum.zislin.com>): показ экспозиции и исполнение песен на стихи Пушкина, Цветаевой, Пастернака, Мандельштама, Ахматовой, Гумилева.

25. Города мира: Москва, Петербург, Киев, Одесса, Париж, Иерусалим, Вашингтон, Тбилиси, Елабуга, Таруса и др.

ВАШИНГТОНСКИЕ ЦВЕТАЕВСКИЕ КОСТРЫ

(проводятся ежегодно в первое воскресенье октября
– Тарусская традиция)

Ведущий – Юлий Зыслин

(«Вашингтонский музей русской поэзии и музыки »),
www.museum.zislin.com 301/942-2728

1-ый. 1996 г., 6 октября. «Стихи и песни Марины Цветаевой».

Выступили Альма Поссе, Катя Рейз, Сергей Кузнецов, Лена Трубачёва, Юлий Зыслин.

2-ой. 1997 г., 5 октября. «Цветаева и Москва» (к 850-летию Москвы).

Выступили Михаил Сапиро, Галина Славская, Сергей Кузнецов, Юлий Зыслин.

3-ий. 1998 г., 4 октября. «Сёстры Марина и Анастасия Цветаевы» (5-летие со дня смерти Анастасии Цветаевой»).

Выступили Галина Паллас, Юлий Зыслин.

4-ый. 1999 г., 2 октября. «Цветаева и Пушкин» (к 200-летию

А.Пушкина).

Выступили Михаил Сапиро, Юлия Сапарова, Лариса Гумерова, Никита Зеленский, Дина Лурье, Александр Кагановский, Светлана Соколова, Альма Поссе, Ольга Казакова, Борис Мансуров, Юлий Зыслин.

5-ый. 2000 г., 1 октября. «Цветаева и Пастернак» (к 110-летию Б.Пастернака).

Выступили Михаил Сапиро, Ася Рохленко, Алина Энгельгардт, Лариса Гумерова, Рахель Эдельштейн, Марина Соловьёва, дуэт Инна Русланова-Оксана Полесская, Катя Московская-Адалис, Юлий Зыслин.

6-ой. 2001 г., 7 октября. «Цветаева и Елабуга» (к 60-й годовщине гибели М.Цветаевой).

Выступили Изя Подрабинник, Светлана Соколова, Эмма Сальникова, Илья Шамбат, Ирина Смоляр, Макс Ремпель, Юлий Зыслин.

7-ой. 2002 г., 6 октября. «Первый Всемирный Цветаевский костёр» — (к 110-летию Марины Цветаевой)

Инициатива Всемирного Цветаевского костра принадлежит «Вашингтонскому музею русской Поэзии». Эта инициатива была поддержана Москвой и Тарусой. В результате Цветаевские костры прошли в 35 городах 14 стран мира. В Вашингтоне стихи Марины Цветаевой звучали женскими голосами.

Выступили Анна Киру, Юлия Богачёва, Анна Юдина, Ирина Алукер, Наташа Никитина, а также Иосиф Манжух (флейта), Юлий Зыслин (песни).

8-ой. 2003 г., 5 октября. «Проза Марины Цветаевой». «10-я годовщина со дня смерти А.И.Цветаевой». «75-летие поэта Генриха Сапгира».

Выступили Алексей Пименов, Александр Смирнов, Ольга Казакова, Леонид Рудаков, Илья Шамбат, Ирина Смоляр, Джастин Купер, Галина Славская, Эмма Сальникова, Юлий Зыслин. Костёр прошёл в 16 городах 9-ти стран.

9-ый. 2004 г., 3 октября. «Цветаева и Ахматова» (к 115-летию А.Ахматовой).

«110-летие Анастасии Цветаевой».

«60 лет со дня гибели сына Марины Цветаевой Георгия Эфрона». Выступили Виктория Маркина, Ольга Казакова, Тамара Александро-

ва, Сергей Марков, Ася Рохленко, Юлий Зыслин, перевод Ильи Шамбата на английский язык стихотворения Марины Цветаевой читала Ирина Смоляр.

Предположительно костёр прошёл в 10-ти странах.

10-ый. 2005г., 2 октября. «Цветаева Пастернаку» — к 115-летию Б.Пастернака.

Первый юбилей Вашингтонского Цветаевского костра. Разное.

Выступили Виктория Маркина, Ольга Казакова, Тамара Александрова, Сергей Марков, Светлана Калашник, Игорь Демиденко, Альма Поссе, Любовь Карпухина, Ирина Алукер,

Дейл Даллниг, Миша Красницкий, Лена Даллниг, Юля Луценко, Ариэль Хизгилов, Иосиф Манжух, Леонид Рудаков, Зиновий Сигалов, Лиза Вилджен, Владимир Фридман, Илья Шамбат, Юлий Зыслин.

11-ый. 2006г., 1 октября. «Старинные и современные русские романсы».

Выступили Владимир Фридман, Юлий Зыслин, Марианна Сафонова, Ирина Алукер, Филипп Розваджевский, Илья Шамбат, Анатолий Дроздов, Зиновий Сигалов.

12-ый. 2007г. 7 октября. «Ранние стихи Марины Цветаевой. 115-летие поэта».

Выступили Юлий Зыслин, Martin Dickinson, Елена Трубачёва, Изя Подрабинник, Ashok Thaker.

Цветаевские костры прошли в 32-х городах 14-ти стран.

**ЮЛИЙ ЗЫСЛИН в программе Ильи Граковского
«Литературный разговор». Русское телевидение Америки
(сценарный план, подбор материалов, исполнение песен, комментарии).**

1. 1999 г. RTN-WMNB. (передачи повторены в 2004 и 2006 гг.)
«Памяти Льва Озерова» (часть 1, часть 2).
2. 2000 г. WMRB.
«Сёстры Марина и Анастасия Цветаевы»
(часть 1, часть 2).
3. 2001 г. RTN-WMNB.
«Ранний Гумилёв».
4. 2001 г. RTN-WMNB.

«Марина Цветаева: «Я тоже была...».

Часть 1. «На пути к гибели» (к 60-летию со дня смерти).

5.2001 г. RTN-WMNB.

«Марина Цветаева: «Я тоже была...».

Часть 2. «Падали листья, я родилась...» (передача повторена в 2006г.).

6. 2001 г. RTN-WMNB. (передача повторена в 2004 г.)

«Анастасия Цветаева – поэт и сказочник».

7. 2002 г. RTN-WMNB. (передача повторена в 2003 г.)

« К 100-летию Фрумы Зыслиной».

8. 2004 г. RTN-WMNB.

«Берестяная книжка Ахматовой». К 115-летию поэта (передача повторена в 2006 г.).

9. 2004 г. RTN-WMNB.

«Еврейская тема у Булата Окуджавы. Поздние стихи». 80-летию поэта.

10. 2004 г. RTN-WMNB.

«Старые песни Булата Окуджавы». К 80-летию поэта.

CALENDAR

“Alley of Russian Poets and Composers” in Washington DC

Pushkin, Lermontov, Tyutchev, Fet, Blok, Pasternak, Tsvetaeva,

Mandelstam, Akhmatova, Gumilev

Piotr Ilyich Tchaikovsky, Sergei Rachmaninoff, Igor Stravinsky,

Dmitri Shostakovich, Sergei Prokofiev

Address of Alley:

3600 Calvert St., NW, Washington D.C. 20007, “Guy Mason Center” (Glover Park, восточный угол Wisconsin Ave., рядом с Обсерваторией и недалеко от Посольства России и Кафедрального Собора).

Parking: left from red building of “The Guy Mason Center”.

Мемориальные дни на «Аллее русских поэтов и композиторов» (возложение цветов)

January 15 — День рождения Осипа Манделъштама (р.1891).

February 10 — День рождения Бориса Пастернака (р.1890) и День памяти А.С. Пушкина (ум.1837).

March 5 — День памяти Анны Ахматовой (ум.1966). День памяти Сергея Прокофьева (ум. 1953).

- March 28 — День памяти Сергея Рахманинова (ум.1943).
April 1 — День рождения Сергея Рахманинова (р.1873).
April 6 — День памяти Игоря Стравинского (ум.1971).
April 15 — День рождения Николая Гумилёва (р.1886).
April 27 — День рождения Сергея Прокофьева (р.1891).
May 7 — День рождения Петра Чайковского (р.1840).
May 30 — День памяти Бориса Пастернака (ум.1960).
June 6 — День рождения А.С. Пушкина (р.1799).
June 17 — День рождения Игоря Стравинского (р.1882).
June 23 — День рождения Анны Ахматовой (р.1889).
July 27 — День памяти Михаила Лермонтова (ум.1841) и Фёдора Тютчева (ум.1873).
July 30 — День Ангела Марины Цветаевой.
August 7 — День памяти Александра Блока (ум.1921).
August 9 — День памяти Дмитрия Шостаковича (ум.1975).
August 25 — День памяти Николая Гумилёва (ум.1921).
August 31 — День памяти Марины Цветаевой (ум.1941).
September 25 — День рождения Дмитрия Шостаковича (р.1906).
September 27 — День рождения Анастасии Ивановны Цветаевой (р.1894; ум. 5 сентября 1993).
October 8 — День рождения Марины Цветаевой (р.1892).
October 15 — День рождения Михаила Лермонтова (р.1814).
November 6 — День памяти Петра Чайковского (ум.1893).
November 28 — День рождения Александра Блока (р.1880).
December 5 — День рождения Фёдора Тютчева (р.1803) и Афанасия Фета (р.1820; ум. 3 декабря 1892).
December 27 — День памяти Осипа Мандельштама (ум.1938).

«Аллею русских поэтов и композиторов» курирует
«Вашингтонский музей русской поэзии и музыки»
(Юлий Зыслин: 301/942-2728 www.museum.zislin.com)

**Видео- и аудио-интервью с лицами, причастными к
цветаевской, пастернаковской и другим темам
Серебряного века русской культуры.***

Московские ВИДЕО-ИНТЕРВЬЮ. 1996г.

- Станислав Айдинян — поэт, филолог, философ, литературный секретарь А.И.Цветаевой.
- Софья Николаевна Клепинина — научный сотрудник Музея-квартиры Марины Цветаевой в Болшеве, лично была с ней знакома по Парижу и Болшево.
- Ольга Трухачева — младшая внучка А.И.Цветаевой, внучатая племянница Марины Цветаевой.
- Глеб Казимирович Васильев и Галина Яковлевна Никитина — друзья А.И.Цветаевой, хранители её архива.
- Лилит Николаевна Козлова — проф.биологии, цветаевовед, установила место захоронения М.Цветаевой в Елабуге.
- Лев Кивович Годгельф — директор Александровского музея сестёр Марины и Анастасии Цветаевых

Вашингтонские АУДИО-ВИДЕО ИНТЕРВЬЮ. 1999-2008 гг.

- Неждана Янович, Вашингтон — дочь сотрудника И.В.Цветаева по Румянцевскому музею и Музею изящных искусств им.Александра Третьего. 1999г.
- Николай Чибисов, Вашингтон — тарусянин, родившийся во флигеле бывшего дома Александра Мейна, дедушки сестёр Цветаевых по материнской линии. 1999г.
- Ирина Лазарева, Нью-Йорк — журналистка ООН, в течение 12 лет общалась с А.И.Цветаевой в Москве. 1999г.
- Израиль Гутчин, Вашингтон — автор мемуаров «Жизнь — Вкратце», помогал Ольге Ивинской в создании её воспоминаний о Борисе Пастернаке, встречался с Алексеем Эйснером, другом мужа М.Цветаевой Сергея Эфрона, с воронежской знакомой О.Мандельштама Натальей Штемпель и с А.Галичем. 2000г.
- Борис Мансуров, Москва — издатель воспоминаний О.Ивинской о Борисе Пастернаке и сборника её стихов. 1999г.
- Константин Кереселидзе, Вашингтон — кинорежиссёр, родной племянник тбилисских друзей Николая Гумилёва. 2000г.
- Ф.И.Зыслина, Вашингтон — мать хранителя музея, общалась в 20х годах с Сергеем Есениным. 2000г.
- Алина Энгельгард, Москва — биолог, друг семей Б.Пастернака, Б.Ливанова и М.Поливанова. 1999г.

- Наталья Георгиевна Фёдорова, Олбани, штат Нью-Йорк — внучка писателя Евгения Чирикова, семья которого общалась в Чехии с Мариной Цветаевой. 2001 г.
- Юрий и Анна Полоцкие, Вашингтон — коллеги друга Анны Ахматовой Владимира Гаршина. 2001 г.
- Ольга Ненаживина, Владивосток-Нью-Йорк — художница, дочь скульптора Валерия Ненаживина, автора памятника Осипу Мандельштаму во Владивостоке. 2005 г.
- Валентина Тейдер – филолог из Болшева, ученица проф. МГУ, собирателя аудио-интервью о деятелях искусства начала XX века Виктора Дувакина, участница создания и главный хранитель музея искусствоведа Серебряного века, друга юности Бориса Пастернака Сергея Дурьлина. 2005 г.
- Ольга Трухачёва — бизнесвумен, Москва — младшая внучка А.И.Цветаевой, внучатая племянница Марины Цветаевой. 2006 г.
- Елена Чернохвостова-Левенсон, Чикаго — биолог, подруга племянницы Марины Цветаевой Инны Андреевны Цветаевой. 2006 г.
- Ирина Вербловская — историк, писатель, экскурсовод, племянница Осипа Мандельштама. 2008 г.
- Татьяна Жилкина — главный редактор журнала «ГРАНИ». 2008 г.

Американские ВИДЕО-ИНТЕРВЬЮ. 2002 г.

- Маргарита Трухачева-Мещерская — старшая внучка А.И.Цветаевой, внучатая племянница Марины Цветаевой (интервью взято в Сан-Франциско).
- Галина Мещерская — родственница А.И.Цветаевой (интервью взято в Нью Йорке).
- Роза Бунчик — мать поэта Юрия Бунчика, состоявшего в переписке с А.И.Цветаевой (интервью взято в Нью-Йорке).

* Все интервью взяты хранителем музея Юлием Зыслиным

**ИЗБРАННЫЕ СТИХИ ИЗ
«АМЕРИКАНСКОЙ ТЕТРАДИ».**

Юлий Зыслин

А ЧТО НАДЕЖДА?

«Век мой, зверь мой...»
О.Мандельштам

*Идёт к концу двадцатый век –
ужасно длинный.
И побеждён невинный смех
тоскою винной.*

*И был загублен Мандельштам
и миллионы.
Стучатся робко в души к нам
погибших стоны.*

*Уходит слово на экран,
чиста страница.
Коварный суетится план,
Мельчают птицы.*

*Души израненной полёт
всё ниже, ниже,
она почти что не поёт,
к забвенью ближе.*

*Хватательный силён эффект,
он правит миром.
Бог исполняет свой проект,
тускнеет лира.*

*А что надежда? Умерла?
Сильна ль простуда?
Надежда, как всегда, светла
и жаждет ЧУДА.*

Апрель 1999

АПРЕЛЬ В РОКВИЛЛЕ

четвёртый день в Америке

*Лепестки на шоссе, что снег, –
прогуливаются.
День четвёртый, как человек,
прислушивается.
Вот звучит в саду пересвист –
птички шастают.
Говорят: «Человек, проснись,
радуй ласкою».
Белки серые, словно дым –
всё туда-сюда.
Без конца на них мы глядим,
не нарадуемся.
Под окном солдат – мощный кедр –
охраняет нас.
Ох, красив, пушист, наш сосед,
он ласкает глаз.
А азалии – яркое цвет –
одеяльные.
Вишни, яблони – числа нет –
идеальные.
И газоны, кусты блестят,
все подстрижены.
И дома стоят к ряду ряд,
свеже выкрашены.
Короли-машины шуришат,
как игрушечки,
Как-то плавно бегут, спешат,
огней пушечки.
Зелень буйная не в узде,
воздух властвует.
Автостоянки везде
просто царствуют.
Магазины – каждый музей –
суетливые,
Развлечение для детей –
говорливое.
Дождь весенний совсем не спит,*

*улыбается,
Пошумит слегка, помолчит,
вновь принимается.
Впереди, говорят, нас ждёт
жара страшная,
На неё пойдём, как придёт, —
врукопашную.
А пока что вокруг весна
красит улицы,
Своевольная, как волна,
часто хмурится.*

23 апреля 1996
Пригород Вашингтона

ТОПОЛИНЫЙ ГОРОД МОЙ

*Я теперь в другой столице,
Где Москва мне только снится,
Где черешня белым ситцем
Покрывает всё весной.
Здесь дубравы величавы,
Солнце щедро привечает,
Но тебя мне не хватает,
Тополиный город мой.
Мне Москву не забыть,
Не пристало где жить.
Пусть Москва, страсть моя,
Тоже помнит меня.*

ОСЕННИЙ ВАЛЬС

*Дождь лиственный спускается с дерев
В любой стране, в любом углу планеты,
Осеннюю погоду подперев,
Ласкает нас тем боле в бабье лето.*

*Кружатся листья, исполняя вальс.
И слышно: шорох музыки играет.
Он тихой грустью наполняет нас,
Зачем и почему и сам не знает.*

*А где-то уж замолкнул этот звук,
И что-то оборвалось и пропало.
Исчезли краски буйные вокруг,
Как будто заменили покрывало.*

*Что ж делать нам?
Придётся ждать весны,
Когда мы звуки новые услышим
И светлые опять увидим сны,
И будем песни петь, покуда дышим.*

27 октября 2000

ПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЛЯ ЛЮДЕЙ, ЖЕЛАЮЩИХ ИЗДАТЬ СВОИ КНИГИ!

Наш издательский дом "KONTINENT" напечатает любые книги и брошюры, каталоги и справочники... большими и малыми тиражами, разного формата и оформления.

Мы подготовим вашу рукопись к печати, откорректируем и отредактируем, выпустим в кратчайшие сроки и по самым доступным ценам.

Кроме того, вы получаете уникальную возможность провести рекламную кампанию вашей книги в разных штатах — совершенно бесплатно.

ДОВЕРЬТЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ ПРОФЕССИОНАЛАМ

KONTINENT
Publishers
© 1992 - 2008 KONTINENT MEDIA GROUP

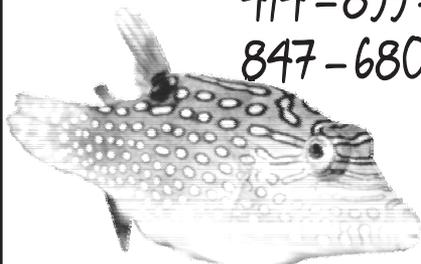
Книги издаются за счет автора. Kontinent Media Group не занимается распространением и продажей.

847-680-9716

KONTINENT GRAPHICS

414-899-8737

847-680-9716

Business cards
Brochures
Flyers
Postcards
Posters
Signs
Web design
Calendars
Books
Catalogs
Magnets

Внимание! Не упустите свой шанс!

ПОПРАВКИ

Страница/Строка	Напечатано	Следует читать
Стр.18/ 16-я строка снизу	До отъезда в Америку он переписывался	Он переписывался
Стр.67/ 2-я строка снизу	Анной	Дорой
Стр.80/ 16-я строка снизу	кончиной»:	кончиной»: <i>«И умру я не в постели при нотариусе и враче...»</i> . Можно сказать о том же и словами почитаемого им Пушкина:

Юлий ЗЫСЛИН

«Мир по-прежнему тесен»

ISBN: X-XXXXXXXX-X-X

Copyright © 2007 by author
Photo copyright © 2007
Chicago, USA 2007

Design & Layout: Irina Solovieva

All rights reserved including the right
of reproduction in whole or in part in any form.

Published by **“KONTINENT”**
www.kontinent.org

« ...Удивительный случай — сочетание документальной и текстологической точности, исторического контекста и непосредственного живого и глубокого поэтического чувства...».

*Н.И.Попова,
Директор Государственного литературно-мемориального
музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме,
Россия, Санкт-Петербург.*